

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»**

Филологический факультет

Кафедра русской и мировой литературы

ЕСЕНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2020

**Материалы Студенческой
научно-практической
конференции**

6 марта 2020 г.

г. Луганск
2020

УДК 821.161.1–1.09+929 Есенин
ББК 84(2Рос)5–8

Рецензенты:

- Унукович В.В.* – заведующий кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского», кандидат филологических наук, доцент;
- Соболева И.А.* – и.о. заведующего кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», кандидат филологических наук, доцент;
- Нередкова С.С.* – заведующая кафедрой русского языка и культуры речи факультета филологии и массовых коммуникаций ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», кандидат филологических наук, доцент.

Е82 **Есенинские чтения – 2020:** материалы Университетской научно-практической конференции (6 марта 2020 г.) / Под ред.: С.А. Ильина. – Луганск : Книта, 2020. – 59 с.

Настоящий сборник является результатом коллективного труда работников высших образовательных учреждений, включает тезисы, статьи и материалы, раскрывающие различные аспекты многогранного творческого наследия С.А. Есенина.

Он адресуется учёным-исследователям литературного наследия С.А. Есенина, учителям и студентам.

Рекомендовано к печати Научной комиссией Луганского государственного педагогического университета (протокол №__от 2020 г.)

УДК 821.161.1–1.09+929 Есенин
ББК 84(2Рос)5–8

©Коллектив авторов, 2020
©ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Белоусова Е.В.</i> «Узловая завязь»: природа и человек в лирике С.А. Есенина	4
<i>Гарганова А.И.</i> Архетипы национального сознания в творчестве С.А. Есенина	7
<i>Захлебная М.А.</i> «Персидские мотивы» С.А. Есенина как стихотворный цикл	12
<i>Ильин С.А.</i> «Вечная правда»: В.Ф. Ходасевич о С.А. Есенине	14
<i>Конькова М.Ю.</i> «Черный человек» С.А. Есенина и «Моцарт и Сальери» А.С. Пушкина: интертекстуальные связи	20
<i>Котомцев Д.О.</i> Творчество С. Есенина в лекциях М. Бахтина о поэзии Серебряного века	25
<i>Муцинский М.В.</i> Славянская ментальность в творчестве Сергея Есенина	30
<i>Огородняя О.В.</i> «Персидские мотивы» С.А. Есенина как попытка обрести утраченную веру в любовь	33
<i>Осина Н.О.</i> Проблематика и художественное своеобразие поэмы С.А. Есенина «Анна Снегина»	39
<i>Прачкова Е.И.</i> С.А. Есенин и В.В. Маяковский: творческий диалог двух поэтов Серебряного века	43
<i>Семич А.В.</i> С.А. Есенин в критике современников и литературоведов ...	47
<i>Хатнюк А.В.</i> Мотив одиночества творчестве Сергея Есенина	51
<i>Чернов А.А.</i> Идеи соловьёвства в поэзии Сергея Есенина	55
<i>Шикина Е.С.</i> Тема Родины в поэзии Сергея Есенина: «Любовь к родному краю меня томила, мучила и жгла»	59

**«УЗЛОВАЯ ЗАВЯЗЬ»: ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК
В ЛИРИКЕ С.А. ЕСЕНИНА**

*Сергей Есенин не столько человек,
сколько орган, созданный природой
исключительно для поэзии,
для выражения неисчерпаемой «печали полей»,
любви ко всему живому в мире и милосердия,
которое – более всего иного – заслужено человеком.
Максим Горький*

С.А. Есенин вошел в русскую литературу как «романтик и лирик, влюблённый в поля и леса, в своё деревенское небо, в животных и цветы» [4, с. 5].

Действительно, ранняя лирика С.А. Есенина, передающая неповторимую красоту русской природы, проникнута любовью к рязанским просторам:

*О Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку,
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску [3, I, с.83].*

Трепетной любовью к родному краю продиктованы образные находки С.А. Есенина. Так, белая береза «*принакрылась снегом, точно серебром*», «*горят снежинки в золотом огне*».

Такое же поэтическое изображение находит под пером поэта картина суровой метели («*Поет зима–аукает*»). Как и в фольклоре, природа здесь олицетворяется:

*Поет зима – аукает,
косматый лес баюкает [3, I, с.17].*

Уподобленные красавицам с шелковыми косами и сережками «*улыбнулись сонные березки*», передавая прелесть утреннего пробуждения («С добрым утром»).

Нежные, красочные образы встречаем и в стихотворении «Черемуха» (*душистая, кудри золотистые, кисти атласные*). Поэт одухотворяет черемуху, сравнивает с девушкой, что «*ветки золотистые, что кудри завила*».

Можно предположить, что упоение родной природой в ранней поэзии С.А. Есенина свидетельствует о восторженном восприятии начинающим поэтом радостей земного бытия:

*Только мне не плачется –
На душе светло [3, I, с. 28].*

Безусловно, природа для поэта–источник нравственного очищения. Именно поэтому в его лирике не ощущается беспомощность человека перед таинственными силами природы:

*Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава,
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.
И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так..., что роца золотая
Отговорила милым языком [3, II, с.173–174].*

Природа в стихотворениях С.А. Есенина передает душевные переживания самого поэта, дарит вдохновение и отраду:

*Вытклся на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.
Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется – на душе светло [3, I, с.28].*

По мнению исследователей, природа у С.Есенина – не застывший пейзажный фон; она живая, изменяющаяся, отзывающаяся на события истории. Это любимый герой поэта, неотделимый от его мыслей и чувств.

*Отговорила роца золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком*

*Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер вдаль,
Я полон дум о юности веселой
Но ничего в прошедшем мне не жаль [3 II, с.173–174].*

Неожиданные сравнения и метафоры помогают создать яркие, запоминающиеся, волнующие душу образы природы. Так, заря становится котёнком, который «моет лапкой рот», а закат, точно «лебедь красный» плывет по пруду.

*Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани [3, I, с.122].*

Окружающий мир у поэта полон разнообразных звуков. Звонит в его стихах не только сосняк, но и рожь. С помощью звуковых образов передаются цветные явления: «в роще по березкам белый перезвон».

Одним из важнейших элементов есенинского стиля является стремление к овеществлению образа. Его стихи всегда конкретны, осязаемы. Так, «ягненок кудрявый месяц гуляет в голубой траве»; «рыжий месяц жеребенком запрягался в наши сани»; «а месяц будет плыть и плыть, роняя весла по озерам»; «месяц, словно желтый ворон... вьется над землей».

Поэт ощущает самого себя частицей природы, неотъемлемой частью окружающего мира. Возможно, именно поэтому настолько выразительны

найденные им краски, звуки и образы, такой гармонией и жизненной силой наполнена его пейзажная лирика.

*Задремали звезды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брежит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона [З, IY, с. 66].*

Или:

*Закружилась листва золотая
В розоватой воде на пруду.
Словно бабочек легкая стая
С замираньем летит на звезду [З, I, с. 147].*

И все же главная особенность есенинской природы – не разнообразие и многоликость, не очеловеченность, а деревенский, крестьянский облик. Вот «луна золотою порошею осыпала даль деревень» и «сиреневая погода сиренью обрызгала тишь», «август прилег ко плетню», а сентябрь постучал в окошко «багряной веткой ивы».

Не менее важная черта «мироощущения» Есенина – вселенский круговорот, всеобщая текучесть и взаимопревращения:

*Солнце, как кошка,
С небесной вербы
Лапкою золотою
Трогает мои волосы [З, II, с. 54].*

Космос уподобляется животному и растению и приобщается к человеку. В свою очередь, люди – «ловцы вселенной, неводом зари зачерпнувшие небо», а самого себя поэт сравнивает с деревом, цветком, животным, месяцем: «Хорошо под осеннюю свежесть душу-яблоню ветром стряхать» (*я-яблоня-ветер*).

Как справедливо отметил С.П. Кошечкин, Сергей Есенин творит свой собственный поэтический миф о космосе и природе, в котором «мир и вечность» близки, как «родительский очаг», холмы напоены «неизреченностью животной», себя же поэт видит выразителем и защитником этой «неизреченности». Для него в природе не было ничего низкого и безобразного.

Животный мир у Есенина – часть природы, живой, одушевленной, разумной. Его звери не басенные аллегории, не олицетворения человеческих пороков и добродетелей. Это «*меньшие наши братья*», у которых свои думы и заботы, свои горести и радости. Лошади пугаются собственной тени и задумчиво слушают пастуший рожок, корова тербит «грусть соломенную», «тихо воев покинутый пес», старая кошка сидит у окошка и ловит лапой луну, «прячутся совы с пугливыми криками», «стрекуньи-сороки» накликают дождь. По справедливому замечанию Максима Горького, С. Есенин «первый в русской литературе так умело и с такой любовью пишет о животных»[4, с. 5].

Объединив в своем художественном мире живую и нежную природу, поэт так определил природную окраску и сострадательную тональность своих стихов: «Звериных стихов моих грусть я кормил резедой и мятой»[З, I, с. 147].

В.Г. Белинский отмечал, что «сила гениального таланта основана на живом, неразрывном единстве человека с поэтом. Тут замечательность таланта происходит от замечательности человека как личности»[2]. Именно это слияние человека и поэта читатель видит в лирике С.А. Есенина.

Таким образом, в ранней лирике Есенина сказывается стремление раствориться в мире, выразить «узловую завязь» природы и человека: «Я хотел бы затеряться в зеленях твоих стозвонных» [3, I, с.39]. Поэтому нам так близка есенинская поэзия с ее трепетной влюбленностью в природу и щемящей жалостью к «*братьям нашим меньшим*».

Список литературы

1. Дементьев В. Мир поэта / В. Дементьев. – М. : Советская Россия, 1980. – 480 с.
2. Белинский В.Г. О жизни и сочинениях Кольцова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: topreading.ru/bookread/251122-vissarion-belinskii-o-zhizni-i-sochineniyah-kolcova. – (Дата обращения: 03.03.2020 г.).
3. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. / Гл. ред. Ю.Л. Прокушев; ИМЛИ им.А.М. Горького РАН.– М. : Наука–Голос, 1995–2001. – 672 с.
4. С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. – М. :Худож. лит.,1986. – Т.2. – 446 с.
5. О Есенине. Стихи и проза писателей-современников поэта / сост. С.П. Кошечкин.– М. : Правда, 1990. – 640 с.

*Гарганова А.И.
г. Луганск*

АРХЕТИПЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ С.А. ЕСЕНИНА

Поэзия С.А. Есенина неотделима от России, её национальных традиций и обычаев. Поэт смог соединить в своих произведениях фольклорное начало и индивидуальность.

Сквозь всё своё творчество С.А. Есенин пронёс любовь к родине, родной деревне, быту и природе. «Моя лирика жива одной большой любовью, любовью к родине. Чувство родины – основное в моем творчестве», – говорил поэт [7, с. 297]. Именно это чувство пронизывает лирику поэта, словно нить на ожерелье, собирая воедино все творения Есенина.

Исследователь творчества С.А. Есенина О.Е. Воронова предлагает следующее определение архетипа: «первообразы», «матрицы образов», «первичные модели» образного мышления, сформировавшиеся на ранних этапах развития искусства и получившие дальнейшее развитие, многообразные варианты и модификации в литературе и искусстве

позднейших эпох, включая индивидуально-авторскую интерпретацию в художественном опыте конкретных творческих индивидуальностей» [4, с. 4].

Многие годы писатель сохраняет за собой статус культового символа и героя национального мифа.

Применительно к нему вполне правомерно говорить о таком чисто русском явлении, как мирская святость, признающая право на канонизацию вполне земного, «святогрешного» человека в силу его особых духовных заслуг, ведь «святогрешность» есть «если не необходимое, то излюбленное условие русской святости» [2, с. 232–233].

В.М. Акимов считает лиризм поэзии Есенина столь же автобиографическим, личным, сколько и всеобщим, национальным. «Его лирика поэтому, так сказать, эпична, какой бы отпечаток собственной индивидуальности, почти документальной автопортретности, она ни носила на себе. В есенинском лирическом герое миллионы русских людей узнавали не столько Есенина, сколько себя», – подчёркивает критик [1, с. 2].

Кроме того, сам С.А. Есенин стал частью фольклора. Например, в Константинове появилась частушка, которая свидетельствует не только о том, что поэт – часть народной мифологии, но и философия его поэзии, выкованная из народности, вернулась в современный фольклор России, став частью народного самосознания:

Шепчется береза...

Я думала – Сережа.

Я березу обняла:

«Сережа, милый» – назвала [3, с. 72].

В данной частушке, в которой дерево и человек по-есенински сливаются в единый духовно-телесный образ, отразилось явление взаимообратимости жизненных реалий.

Если бы есенинские произведения не были запечатлены на бумаге, они бы были бы переданы по принципу фольклора: из уст в уста.

Многоуровневой и сквозной архетипичностью литературного мышления С.А. Есенина определяется природа его гениальности. Поэт, в большинстве своем, мыслит архетипами, а не конкретными образами.

Художник, объясняющийся архетипическими образами, согласно К.Г. Юнгу, говорит, как бы тысячами голосов. Он пленяет, покоряет, поднимает описываемое им из однократности и временности в сферу вечного, возвышает личную судьбу до судьбы человечества и таким образом высвобождает спасительные силы в человеке (добавим – народе, нации), помогая избавиться от любых страхов и опасностей, преодолеть даже самую долгую и черную ночь. Такова природа гения. Такова тайна воздействия подлинного искусства [9, с. 113].

По справедливому мнению О.Е. Вороновой, С.А. Есенин всегда являлся тем, что объединяло народ, сберегало его веру, патриотизм, любовь к родине. «Два полюса искаженного и раздробленного революцией русского сознания, между которыми, казалось бы, нет ничего общего, сходятся на Есенине. Из

могилы Есенин делает то, что не удалось за тридцать лет никому из живых: объединяет русских людей звуком русской песни» [4, с.433].

Я знаю будущее...

Это их...

Их календарь...

И вся земная слава.

Не потому ль

Мой горький, буйный стих

Для всех других —

Как смертная отравка.

Я только им пою,

Ночующим в котлах,

Пою для них,

Кто спит порой в сортире.

О, пусть они

Хотя б прочтут в стихах,

Что есть за них

Обиженные в мире [6, II, с. 101].

С.А. Есенин был совестью народа, напоминавшей о тех, кто несчастен, кто остался ни с чем. Стихотворение «Русь бесприютная» написано поэтом в послереволюционный период. С.А.Есенин, который принял революцию 1917 года как начало перемен к лучшему, теперь понимает, что вокруг очень много плохого. Крестьяне забыли Бога, Карл Маркс стал новым Богом.

Поэт категорически не воспринимает происходящее вокруг. С.А. Есенин посвящает его жертвам гражданской войны, жертвам революции и беспризорникам. Поэт сравнивает их историю с историей Оливера Твиста. Это – потерянные личности, потерянные судьбы. Автор признает, что он принадлежит к числу голодных и худых мальчишек. Он раздосадован тем фактом, что в них гибнет будущее нации. Вину за это поэт берет на себя, он также просит у них прощения, берет их под свое покровительство. Данное стихотворение лишь подтверждает, что С.А. Есенин – народный поэт.

Россия с ее грустными, раздольными песнями, девичьим смехом, сельской тишиной с ранних лет жила в сердце С.А. Есенина. Каждая строчка есенинской поэзии наполнена неиссякаемой любовью к родному народу и родной земле:

Спит ковыль. Равнина дорогая,

И свинцовой свежести полынь.

Никакая родина другая

Не вольет мне в грудь мою теплынь [6, I, с. 226].

Природа, любовь, сила, нежность, песня – все эти понятия впитала в себя поэзия С.А. Есенина. Поэт как никто другой отражает славянскую душу:

Пусть не сладились, пусть не сбывись

Эти помыслы розовых дней.

Но коль черти в душе гнездились —

Значит, ангелы жили в ней [6, I, с. 186].

Безусловно, С.А. Есенин – народный поэт целиком и полностью. Однако, невзирая на его народность, нельзя утверждать, что его поэзия проста. Она наполнена глубиной суждений. Его лирика, сливаясь воедино с природой, пленит своими плодами.

Точно художник, переносящий увиденный пейзаж на холст, С.А. Есенин рисует картину словами.

Природа в его произведениях приобретает человеческий облик:

Синий май. Заревая теплынь.

Не прозвякнет кольцо у калитки.

Липким запахом веет полынь.

Спит черемуха в белой накидке.

В деревянные крылья окна

Вместе с рамами в тонкие шторы

Вяжет взбалмошная луна

На полу кружевные узоры [6, I, с. 211].

Долгие годы за С.А. Есениным сохранялось звание главного поэта простонародья. Именно он стал разрешенным советской властью поэтом с этническим направлением в творчестве.

Согласно утверждению С.Г. Семеновой, «в поэзии Есенина выразился по-своему очень русский момент драмы души, души крестьянско-христианской, из которой было вынуто божественное и святое, оскорблен, раздавлен ее освященный быт; ее дорогие верования осмеяны как темная отсталость» [8, с. 74].

Творчество С.А. Есенина контрастно. Этот контраст связан с событиями, происходившими в его жизни.

Как справедливо утверждает О.Е. Воронова, «от «ухода» к «возвращению», от святости к святотатству, от «саморазрушения» к «самоспасению», от наивной полудетской веры к показному революционному безверию и снова к вере, спрятанной в самых потаенных глубинах души, – таков путь русского поэта, пройденный им вместе со своей родиной во всех трагических изломах ее судьбы» [4, с. 179].

Несмотря на все жизненные испытания, лирический герой Есенина остается верен своим принципам и приоритетам. Чувство родины, рода и семьи (ментальное ядро русского характера) является его главной духовной опорой. Осознавая, что эти чувства являются концентрацией того самого народного характера, он не растрчивает и сохраняет их.

Таким образом, можно утверждать, что С.А. Есенин, как и его поэзия, безусловно, является национальным архетипом.

Список литературы

1. Акимов В.М. На ветрах времени: Размышления о книгах. – Л.: Детская литература, 1991. – 286 с.

2. Амфитеатров А. «Святогрешный» // «В краю чужом»: Зарубежная Россия и Пушкин. – М., 1998. – 495 с.

3. Архипова Л. «В моей душе звенит тальянка...»: Фольклор родины С. Есенина. – Челябинск, 2002. – 213 с.

4. Воронова О.Е. Национальное и общечеловеческое в творчестве Сергея Есенина. Архетипы. Универсалии. Концепты: учебное пособие / О.Е. Воронова; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2013. – 356 с.

5. Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура: Научное издание. – Рязань, 2002. – 520 с.

6. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. / Гл. ред. Ю.Л. Прокушев. – М. : Наука, 1998.

7. Розанов И.Н. Воспоминания о Сергее Есенине / И.Н. Розанов // Воспоминания о Сергее Есенине: сборник под общей редакцией Ю.Л. Прокушева. – М. : Московский рабочий, 1965. – С. 287–300.

8. Семенова С.Г. Стихии русской души в поэзии С. Есенина // Столетие Есенина: Международный симпозиум. – М., 1997. – С. 57–82.

9. Юнг К.Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Феномен духа в искусстве и науке. – М., 1992. – 481 с.

Деточка Алина, 2 курс, «Немецкий и английский язык и литература»

«ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ» С.А. ЕСЕНИНА КАК СТИХОТВОРНЫЙ ЦИКЛ

Творчество С. Есенина часто представляют как воплощение русской природы в поэтическом слове, как историю 20-х годов 20 века в стихотворной форме. М. Горький сказал о юном Есенине так: «Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для выражения неисчерпаемой печали полей, для любви ко всему живому в мире». Действительно, когда вспоминают о С. Есенине, то сразу в сознании возникают такие циклы стихотворений, как «Радуница», «Стихи скандалиста» и «Москва кабацкая», которые передают чувства поэта, связанные с Родиной и его личными переживаниями.

В последние годы жизни С. Есенин пытался принять советскую действительность, все сильнее в ней разочаровываясь. Поэт говорил об этом так: «Идет совершенно не тот социализм. Тесно в нем живому, тесно строящему мост в будущее». Но поэт не хотел быть чужим в собственной стране, хотел быть полезным и принять что-то новое. В условиях постоянных репрессий и ограничений, он не находил спокойствие и новых творческих сил. Можно вспомнить судьбу поэтов Золотого века, когда вдохновение они находили не на московских и петербургских улицах, а на свободных просторах ближнего востока. Так М. Лермонтов только на Кавказе мог чувствовать себя своим, нестесненным условиями царской власти. Заметим, что С. Есенина еще с 20-х годов привлекала свобода Баку, красота восточных сказок и изысканных стихотворений восточных авторов.

Поздняя лирика С. Есенина наиболее ярко представлена в цикле «Персидские мотивы». Впервые эти стихотворения были напечатаны в издании «Бакинский рабочий». Работы С. Есенина вызвали много противоречий, так как не были похожи на прежние наработки поэта. Если сравнить стихотворения «Москвы кабацкой», где преобладает лейтмотив обреченности и пессимизма лирического героя, то содержание «Персидских мотивов» дает читателю совершенно другой контраст. Это был трудный период для С. Есенина, как в личной, так и в общественной жизни. Поэтому в восточной тематике, он хотел найти для себя новый путь, в тот период уже отдаляясь от бутафорской образности имажиниста. Поэзия С. Есенина стала мелодичной, душевной. Он отказывается от тяжеловесных уподоблений, использует яркие и оригинальные эпитеты, сравнения и метафоры: «Я в твоих глазах увидел море, полыхающее голубым огнем», «Золото холодное луны» и другие.

В творчестве С. Есенина всегда отмечали реалистические мотивы. Но в восточной лирике трудно не заметить черты романтизма. Ведь тяготение к экзотическим странам всегда было отмечено в творчестве поэтов-романтиков. Даже в «Персидских мотивах» улавливается реалистическая сторона

творчества поэта. Так в произведении «Быть поэтом...» С. Есенин затрагивает программную тему поэта и назначения его поэзии, смешивая реализм с экзотической тематикой. Исследователи творчества С. Есенина часто к этому циклу стихотворений относят маленькие поэмы «Мой путь» и «Цветы». Содержание этих поэм охватывает исторические события начала 20-го века и судьбу самого поэта. Если поэму «Мой путь» можно назвать лиро-прозаической хроникой биографии С. Есенина, то произведение «Цветы» является завалированным философским рассуждением поэта о действительности и фантазии, мире и революции. В статье «Рожденные столицы» В. Маяковский противопоставил стихотворения персидского цикла задачам советской культуры. Но тут он был несправедлив в оценке «Персидских мотивов», когда видел в этом цикле всего лишь экзотику, «восточные сладости». То есть поэт-футурист видел в работе С. Есенина только легкость и незначительность содержания, но «Персидские мотивы» являются разноплановыми стихотворениями, разной тематики и смысловой нагрузки.

Можно сказать, что в поздних работах С. Есенина есть влияние восточных поэм А. Пушкина таких, как «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» и других. То есть в творчестве С. Есенина прослеживается классическая русская традиция, обращение к экзотической тематике.

В «Персидских мотивах» переплетение любовной темы, темы Родины, советской действительности становится новым шагом в поэтическом творчестве С. Есенина.

Список литературы

1. Бишарев О.Л. Тайна Сергея Есенина. – М.: «Инкон», 1993. – 133с.
2. Есенин С.А. Собрание сочинений: В 2т. Т.1. Стихотворения и поэмы / Слово о поэте Ю.В. Бондарева; Сост., вст. ст. и коммент. Ю.Л. Прокушева. – М. :Совр. Россия: Современник, 1990. – 480 с.
3. Марченко А.М. Поэтический мир Есенина. – М. :Советский писатель, 1989 – 304 с.
4. Воспоминания о Сергее Есенине под общей редакцией К.Л. Прокушева. – М. : «Московский рабочий», – 1965.– 520 с.
5. Есенин и современность. Сборник. – М. : «Современник», 1975. – 404 с.

Ильин С.А.
г. Луганск

«ВЕЧНАЯ ПРАВДА»: В.Ф. ХОДАСЕВИЧ О С.А. ЕСЕНИНЕ

В том честном подвиге, в том счастье песнопений,

Которому служу я в каждый миг,

Учитель мой – твой чудотворный гений,

И поприще – волшебный твой язык.

В. Ходасевич

«Весной 1918 года я познакомился в Москве с Есениным, – вспоминает В. Ходасевич. – Он как-то физически был приятен. Нравилась его стройность; мягкие, но уверенные движения; лицо не красивое, но миловидное. А лучше всего была его весёлость, легкая, бойкая, но не шумная и не резкая. Он был очень ритмичен. Смотрел прямо в глаза и сразу производил впечатление человека с правдивым сердцем, наверное – отличнейшего товарища» [3, с. 120]. Но впоследствии встречались поэты редко, чаще всего – на людях, и почти не общались; В. Ходасевич объясняет это тем, что С. Есенину был не по душе круг его друзей, а самому критику – есенинское окружение.

При этом впечатление от знакомства с С. Есениным у В. Ходасевича гармонирует с его отношением к есенинской поэзии, которое всегда было неизменно доброжелательным, – и в этом заключается странность: критик никогда не любил «новокрестьянской» поэзии, из которой С. Есенин вышел, а его эпатажные выходки имажинистского периода, который В. Ходасевич ёмко определил как «надрывное пьянствование в жизни и надрывное сквернословие в стихах» [4, с. 230], кажется, должны были раздражать В. Ходасевича. Чувство прекрасного такого утончённого эстета могли бы оскорблять банальность и «стилистическая приблизительность» [6, с. 433] некоторых поздних стихотворений С. Есенина – как она оскорбляла, например, А. Ахматову, сохранившей до конца жизни неприязненное отношение к его поэзии и личности.

Однако «*правдивое сердце*», «искренность» внезапно ушедшего из жизни поэта, которому В. Ходасевич уже в эмиграции посвятил две критические статьи и главу в мемуарах «Некрополь», были стремлениями понять подлинную трагедию С. Есенина. «Что же так привлекает к Есенину и какая это правда? – спрашивал себя критик. – Думаю, ответ ясен. Прекрасно и благородно в Есенине то, что он был бесконечно правдив в своём творчестве и пред своею совестью, что во всём доходил до конца, что не побоялся сознать ошибки, приняв на себя и то, на что соблазняли его другие, – и за всё захотел расплатиться ценой страшной. Правда же его – любовь к родине, пусть незрячая, но великая» [3, с. 148].

И здесь важно отметить, что тема любви к родине, по мысли В. Ходасевича, была сквозной, постоянно развивающейся в поэзии С. Есенина – поэзии, условно разделённой критиком на три периода. Хотя

сам С. Есенин считал неправильным, если кто-то станет делить его творчество по периодам, говоря, что «периодов не было, если брать по существу, моё основное. Тут всё последовательно. Я всегда оставался самим собой» [2, с. 22]. Однако в действительности это было не так. С. Есенину, по мнению В. Ходасевича, присущ *внутренний параллелизм в развитии поэтики и биографии*, – этот параллелизм определил и развитие есенинского стиля, перемены в котором совершались не вдруг, а постепенно, как результат глубоких духовных потрясений. Стронник биографического метода, В. Ходасевич считал, что перемены тесно связаны с поэтическим творчеством, на которое накладывает свой отпечаток слияние настоящего с прошлым, – поэтому и становится возможным разделить поэзию С. Есенина на периоды, в каждом из которых прослеживается тяготение к определённым темам, художественным приёмам и средствам выразительности.

Первый из них характеризуется тяготением к народно-песенному стилю, воспринятому через литературные влияния таких поэтов, как Н. Некрасов, И. Никитин, И. Суриков и А. Кольцов. Второй период – «футуристско-имажинистский». В третьем периоде наметился поворот к русской классической традиции. В. Ходасевич пишет: «Сопоставляя хронологически эти литературные периоды с основными периодами его биографии, мы тотчас убеждаемся, что чисто стихотворческие тенденции Есенина изменяются параллельно и одновременно с тем, как совершаются важнейшие перемены в его жизни. Его душевная и жизненная драма тотчас отражается в приёмах письма, и, таким образом, есенинский стиль оказывается чутким и верным барометром внутренней жизни. Стрелка этого барометра колеблется не случайными, внешними влияниями литературных мод, но под давлением душевной необходимости, чем объективно устанавливается в Есенине та правдивость творчества, та честность художника перед самим собой, без которой никакое подлинное творчество неосуществимо» [4, с. 181].

В. Ходасевич справедливо считал, что С. Есенин, как и любой подлинный художник, не стремился быть новатором или «поэтическим революционером», – правдивость поэта проявилась даже в том, что С. Есенин не пытался обособиться от всех стилистически: оставаясь творческой личностью, он умело пользовался созданными до него приёмами, брал необходимые формы для своей поэзии, наполняя органичным для них содержанием. Поэтому, с чисто формальной точки зрения, С. Есенин не создал уникальной поэтики, однако есть что-то специфически есенинское – *это её лирический, а не формальный лад, её эмоциональный характер* [4, с. 183].

На первом этапе своего творчества, по мнению В. Ходасевича, «простодушный» С. Есенин, с запасом полуотроческих деревенских впечатлений и дум, создаёт поэзию, в которой звучит тон народной песни, – и её отголоски слышны в тяге к хорям, трехдольникам, малостопным ямба, к точным рифмам и особой тематике. В основе

поэтики этого периода – вера «в высшую правду мужицкой, избяной Руси», вера своей «земляной, полухристианской, полуязыческой религии» [4, с. 183]. Небо – корова; хлеб, урожай – телок; небо родит урожай, высшая правда воплощается в урожае – этот образ, поэтическая метафора, нечаянно вырвавшаяся у С. Есенина, на самом деле, по мысли В. Ходасевича, основа его религиозной и общественной концепции, которая корнями уходит в язычество. Для С. Есенина в начале пути «Россия – страна мужицкая. То, что в ней не от мужика и не для мужика, – накипь, которую надо соскоблить. Мужик – единственный носитель истинно русской религиозной и общественной идеи. Сейчас он подавлен и эксплуатируем людьми всех иных классов и профессий. Помещик, фабрикант, чиновник, интеллигент, рабочий, священник – всё это разновидности паразитов, сосущих мужицкую кровь. И сами они, и все, что идет от них, должно быть сметено, а потом мужик построит новую Русь и даст ей новую правду и новое право, ибо он есть единственный источник того и другого» [4, с. 186]. Остаётся только «полюхнуть». Такова была «клюевщина» в 1913 году, когда С. Есенин появился в Петербурге. В стихах С. Есенина заиграл другой мотив:

О, Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь... [1, с. 109]

Грядущие изменения видятся ещё смутно, однако С. Есенин чувствует: «Не избежать бури, / Не миновать утрат...» [1, с. 99]. В. Ходасевич называет это видение «освобождённой Русью» в душе С. Есенина, это град лазурный и невидимый, тот самый, что воплощён в «Инонии» [4, с. 185]. Появление образа революции – важный этап в духовной жизни С. Есенина, отмечает В. Ходасевич; он знаменует переход к следующему периоду – футуристско-имажинистскому, когда город навязывает ему новые стихотворные и стилистические формы: паузники, построенные по типично книжно-футуристической мелодии, ассонансы сменяют точные рифмы. В. Ходасевич пишет, что эти изменения показательны: «Мечты о превращении Руси в Инонию совпадают с эпохой полного разрыва с теми стихотворными традициями и навыками, которым Есенин следовал раньше» [4, с. 186]. Поиски «новой правды» толкают поэта на поиски новых приёмов – и берёт он их отсюда, откуда идут политические и идейные влияния, под которые попадает С. Есенин, поэтому он и присоединяется к имажинистам. В. Ходасевич характеризует это литературное течение так: «По существу, имажинизм поэтически так же реакционен, как духовно реакционен коммунизм. Но совершенно так же, как коммунизм, имажинизм, это упадочное детище футуризма (*дегенерация дегенерации* [курсив наш. – С.И.]), соблазняет Есенина своей кажущейся революционностью» [4, с. 187]. Поэма «Инония», «лебединая песня», сделала С. Есенина пророком и поэтом революции и чаемой новой правды, – заключает В. Ходасевич. В том смысле, что С. Есенин уловил все катастрофические настроения своего времени, его действительно можно назвать «пророком». «Пророком своих и чужих заблуждений, несбывшихся

упований, ошибок, – но пророком» [3, с. 126]. В. Ходасевич был ярким противником революции, новой власти и таких губительных изменений, поэтому он пишет, что Россия не стала Инонией – она превратилась в СССР.

Однако и С. Есенин был достаточно эстетически чуток, чтобы вскоре разочароваться в «большевицкой революции». И это разочарование, соединившись с разрывом с деревней (утраченным раем), приводит поэта в кабак. «Пророческий» период кончился, и С. Есенин стал смотреть не в будущее, а в настоящее. В. Ходасевич внимательно прослеживает биографию поэта и заключает, что С. Есенин вернулся в деревню с надеждой «прикоснуться к земле, занять у неё новых сил» [3, с. 134]. Но деревня не оправдала надежд. Оказалось, что заводы и фабрики слишком близко к его родине, что железная дорога отравляет ей жизнь, а сестра зачитывает ему К. Маркса и Ф. Энгельса, которых он, в свою очередь, принципиально не читал. В. Ходасевич видит в этом моменте прощание С. Есенина с деревней, полное принятие действительности такой, какая она есть.

Возвращение в Москву повергло С. Есенина в «алкоголический туман». «Отчаяние охватывает его всё сильнее. Он видит, что с большевицкою революцией, тем более – с её нэповским обличем, ему окончательно не по пути. Правда мечтаемой светлой Инонии так же не воплотилась в СССР, как литературная революция – в имажинизме. Но и с мужицкой «Рассей» у него тоже все порвано, как с песенным ладом ранних стихов. В советской республике Есенин становится бесконечно одинок» [4, с. 207].

В духовной жизни С. Есенина снова глубокий перелом: горькие и суровые мысли подпитывают новое звучание его поэзии. В формальном развитии он приближается к А. Пушкину, о чём сам признавался [см. об этом: 4]; в стихах доминируют пяти- и шестистопные ямбы, иногда смешанные с четырёхстопными. Превосходный пушкинист, В. Ходасевич называет поздние стихи С. Есенина «бесконечно родными» и слышит в них отголоски пушкинских элегий, «19 октября 1825 г.», «Воспоминания». Поэт пытается вернуться к точной рифмовке и строгой строфике. «Перед внутреннюю правдивостью его последних стихов, – пишет В. Ходасевич, – метафорическая муть с них сползает. Внутренно порвав с советской Россией, Есенин порвал и с литературными формами, тогда в ней господствовавшими. Можно бы сказать, что перед смертью он душевно и поэтически *эмигрировал к Пушкину* [4, с. 208].

Даже тот факт, отмечает В. Ходасевич, что С. Есенин пытался смириться с окружающей его действительностью (путешествовал, побывал на Кавказе, написал о нём цикл стихов, засел за «Капитал» К. Маркса), не приблизило его к Советской России. То язычество, в которое корнями уходит есенинская поэзия, по мысли В. Ходасевича, на самом деле глубоко христианская вера: с приходом новой власти, новой идеологии, С. Есенин решил, что в его душе нет места Богу, поэтому и позволял себе отрекаться от него и кощунствовать. Но, пережив муку и боль, моральное падение

поистине в духе Ф. Достоевского, воплотившееся в пьянстве, он словно вернулся к Богу; В. Ходасевич пишет по этому поводу: «Он отрекся от Бога во имя любви к человеку, а человек только и сделал, что снял крест с церкви да повесил Ленина вместо иконы и развернул Маркса, как Библию» [3, с. 147]. В душе С. Есенина происходил последний, фатальный переворот. В. Ходасевич с грустью замечает, что за год до смерти поэт страдал нестерпимо. В каждой его строке звучала одна тема – его гибель. И это же время формалист В. Шкловский «поучал его уму-разуму», называя поэта «пропавшим», погибшим», который стихотворно развёртывает свою тяжёлую тему. В. Ходасевич встаёт на защиту С. Есенина, в очередной раз акцентируя внимание, что для формалистов было важнее писать стихи, «делать» стихи – новейшего, модного стиля. «...А этот Есенин неуч, так немодно, точно валенки не зимой, вопит о гибели какого-то там Есенина. Да ещё о какой-то России... Нет, ты покажи «приём», а на тебя и на твою Россию нам наплевать» [4, с. 132–133].

Возможно, В. Ходасевич был слишком резок, пародируя В. Шкловского, однако доля правды в его словах есть: для формалистов того времени неуважение к теме писателя, «к тому, ради чего только и совершает он свой тяжёлый подвиг», типично. Для С. Есенина лозунг «Искусство как приём» определённо нёс совершенно другой смысл – и В. Ходасевич убедительно доказал это, видя в каждом периоде творчества поэта то, что присуще настоящему таланту – эстетический вкус. Для любой идеи, завладевавшей С. Есениным в тот или иной момент, нужна была особая, лишь ей подходящая форма. И в этом С. Есенин очень творчески гармоничен, ведь трудно представить себе гимн революции на былинно-песенный мотив, а кабацкую муть, написанную пушкинским ямбом. В поэзии С. Есенина никогда не было конфликта формы с содержанием; и это единство (т.е. главное, что желал видеть В. Ходасевич в поэзии), вероятно, внутренне привлекло критика, который сам был блестящим поэтом, – и в этом он видел черту есенинской неподдельной искренности.

Конечно, С. Есенин на жизненном пути не избежал ошибок и заблуждений. Однако согласиться с В. Ходасевичем, что «история Есенина есть история заблуждений», трудно. Ведь в основе любви к родине – той самой теме, которая, по мнению критика, легла в основу всей есенинской поэзии, – лежит в том числе и *вера*: вера в идеальную мужицкую Русь; в социалистическую Инонию; в азиатскую «Рассею»; даже в СССР. Но прав В. Ходасевич, говоря, что верное имя родины не пришло С. Есенину на уста: *Россия*. С гибелью своих идеалов погиб и сам С. Есенин. Поэтому справедлива аналогия с А. Блоком, проведённая В. Ходасевичем: «Поэзия Блока в основах своих была большинству непонятна или чужда. Но в ней очень рано и очень верно расслышали, угадали, почуяли "роковую о гибели весть". Блока полюбили, не понимая, по существу, в чем его трагедия, но чувствуя несомненную её подлинность. Любят всякое творчество, свидетельствующее об испепеляемой жизни, всякое, над которым можно поставить эпитафию: "Здесь человек сгорел". У нас это в особенности так.

Может быть, впрочем, истинно велико только такое творчество. Точнее, может быть, всякое подлинное творчество есть самосожжение поэта – "священная жертва". Трагедия Есенина была гораздо менее сложна, менее значительна по внутреннему своему смыслу, чем блоковская; Есенин к тому же был менее мастером, своим страданиям, как и страстям, не умел он придать столь возвышенной формы, – но подлинность самой его трагедии остается несомненной» [4, с. 191].

Знаменательно, что именно к А. Блоку молодой С. Есенин сразу же направился, попав в Петербург. И при всей несхожести этих поэтов В. Ходасевич пронизательно установил между ними связь – связь духовной трагедии. Той самой трагедии, что пережили многие писатели и поэты в XX в., но из которой немногие вышли живыми.

В восприятии В. Ходасевичем поэзии и личности С. Есенина сыграла роль и личная предрасположенность к их автору, и тяга к «вечной правде» и искренности, которой так не хватало тому времени, поэтому основные его оценки стихов и личности С. Есенина отличаются точностью и пронизательностью.

Список литературы

1. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. / Гл. ред. Ю.Л. Прокушев; ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. – М. : Наука; Голос, 1995 – 2002. – Т. 1. Стихотворения. – 1995. – 672 с.
2. Розанов И. Есенин о себе и других / И. Розанов. – М. : Никитинские субботники, 1926. – 26 с.
3. Ходасевич В.Ф. Некрополь / В.Ф. Ходасевич. – М. : Советский писатель – Олимп, 1991. – 192 с.
4. Ходасевич В.Ф. Собр. соч. : В 4 т. / В.Ф. Ходасевич. – М. : Согласие, 1996. – Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика (1922 – 1939). – 576 с.
5. Ходасевич В.Ф. Стихотворения / В.Ф. Ходасевич. – М.: Профиздат, 2007. – 208 с.
6. Шубинский В.И. Владислав Ходасевич: Читающий и говорящий / Валерий Шубинский. – М. : Молодая гвардия, 2012. – 523 с.

Конькова Марина, 3 курс, «Русский язык и литература»

*Конькова М.Ю.
г. Луганск*

**«ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК» С.А. ЕСЕНИНА И «МОЦАРТ И САЛЬЕРИ»
А.С. ПУШКИНА: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ**

Вопрос об интертекстуальных связях произведений всегда имеет актуальность. Литературоведов привлекают исследования, связанные с теми текстами, которые как бы перекликаются, являются откликом на более ранние работы литературных предшественников. Так, в романе В. Набокова «Дар» можно найти интертекстуальные связи не только с отдельным произведением, но и с биографией Н. Чернышевского, изображенной в знаменитой четвертой главе романа писателя-эмигранта. Поэтому содержание статьи актуально и востребовано как важный вопрос литературоведения.

При интертекстуальных связях тексты могут ссылаться в той или иной мере друг на друга. Такую взаимосвязь Ю. Лотман называл «генератором новых смыслов», «концентратором культурной памяти» [4, с. 57]. Художественное произведение приобретает полную смысловую окраску благодаря его соотнесению с другими текстами.

Образ черного человека имеет в творчестве А. Пушкина глубокие корни. Практически все поэмы, повести, сказки, драмы классика объединены одним существенным признаком: проникновением потусторонней силы в жизнь человека. Эта связующая идея проявляется еще в раннем творчестве А. Пушкина. По нашему мнению, сверхъестественное начинается еще со сказочного образа Черномора. Идея мистическая получила развитие в творчестве А. Пушкина и в последующих, более зрелых текстах. Идея воплощалась в Медном всаднике, скачущем за бедным Евгением. Но настоящему завершённой эта идея стала в черном человеке, который трижды навещает Моцарта. По нашему мнению, чёрного человека А. Пушкина и С. Есенина связывает именно безликость. Ведь о черном человеке, который мучает Моцарта, практически ничего неизвестно. Сам Моцарт для наименования своего заказчика употребляет только сочетание «кто-то» и «тот же». Появление незнакомца не должно было настораживать композитора – Моцарт часто писал музыку под заказ. Но в госте Моцарт чувствует скорее вестника смерти, чем любителя музыки.

Можно сказать, что изображение черного гостя представляет в двух произведениях, хоть и схожих по лейтмотивам, разные символические явления. У А. Пушкина появление черного человека описывается так:

Я вышел. Человек, одетый в черном,
Учтиво поклонившись, заказал
Мне Requiem и скрылся. Сел я тотчас
И стал писать – и с той поры за мною
Не приходил мой черный человек [3, с. 36].

По нашему мнению, явление черного человека у А. Пушкина имеет мало мистических черт, разве что суеверие, связанное с мрачным черным цветом. Вспомним едкое высказывание Сальери:

Мы все, жрецы, служители музыки,
Не я один с моей глухою славой...
Что пользы, если Моцарт будет жив
И новой высоты еще достигнет?

Подымет ли он тем искусство? Нет [3, с. 43].

Этот монолог полон зависти к чужому таланту, полон непониманием великого и прекрасного искусства композитора. Сальери не просто завидует, но и решается на убийство:

Вот яд, последний дар моей Изоры.
Осьмнадцать лет ношу его с собой [3, с. 46].

Можно сказать, что черный человек в «маленькой трагедии» является носителем отрицательных человеческих черт, которые относятся и к Сальери. Среди этих черт можно назвать зависть, гордыню, высокомерие. Естественно, что черный человек имеет скорее абстрактное выражение, чем реальное. Но все же он становится воплощением негативного, завистливого в человеческой натуре. Если вдуматься в текст «маленькой трагедии», то становится заметным взаимосвязь черного человека и Сальери. О. Воронова подметила это так: «Получается, что убийство Моцарта стало результатом тайного

сговора, заключенного между Сальери и черным человеком. Это заговор темных сил «злодейства» против истинного гения, явившего собой миру идеал человека и творца» [5, с. 39].

Поэма «Черный человек» С. Есенина – это не просто в одночасье хлынувший на бумагу поток мыслей, поэт задумывал ее давно и завершил в последний год своей жизни, что придало произведению несколько мистическое звучание.

С. Есенин жил в начале XX века, когда поэтам, как говорил А. Блок, «не хватало воздуха» [5, с. 50]. Ведь множество авторов просто не имело возможности писать собственные произведения, а со временем и просто существовать, не боясь за свою жизнь. Такая участь постигла таких поэтов, как О. Мандельштам, Н. Гумилев, Н. Клюев, которые были, безусловно, неординарными авторами, но их жизненный путь оборвался слишком рано, «не хватило воздуха» [5, с. 50].

Интересны размышления Д. Быкова о творчестве С. Есенина и об образе черного человека в его финальной поэме. Современный критик ставит перед собой риторический вопрос: «Что такое «Черный человек?»» [1, с. 39]. Действительно, этот вопрос порождает больше еще вопросительных недоумений, чем ответов. «Есенин героически, не побоюсь, этого слова, сделал распад собственной личности главным сюжетом собственной лирики», – утверждает Д. Быков [1, с. 46]. По его мнению, поэма С. Есенина является своеобразным отражением судьбы поэта. Действительно, произведение имеет множество автобиографических мотивов, но нельзя полностью отождествлять автора и его лирического героя.

После сопоставления различных точек зрения критиков, можно сказать, что образ черного человека является переходным в мировой литературе. Мистическое всегда привлекало деятелей искусства, придавало их произведениям загадочность и таинственность. Сопоставляя образ черного гостя А. Пушкина и С. Есенина, можно выявить схожесть мотивов, что выражается в заметных интертекстуальных связях, но в то же время различие тех явлений, воплощением которых является черный человек. Поэмы создавались в разные столетия, в разные литературные эпохи и представителями разных взглядов. Но «прескверный» гость возникает в текстах обоих авторов. По нашему мнению, связь произведений заключается именно в закономерностях их композиций. То есть появление черного человека возникает несколько раз, как у А. Пушкина, так и у С. Есенина. Так же нельзя сказать о каких-либо особенностях этого образа. Оба автора используют только такие определения, как «черный», «прескверный», «мрачный», лишь у С. Есенина возникает описание глаз черного человека, когда они будто покрываются «голубой блевотой». Так же можно сравнить чувства страха лирических героев перед неизвестностью. Но само воплощение черного человека, по нашему мнению, носит разную смысловую нагрузку. Если у А. Пушкина черный человек характеризуется завистью, связью с Сальери и своеобразной причиной гибели Моцарта, то у С. Есенина его гость представляет собой воплощение жестокой действительности, с которой

приходится мириться. По нашему мнению, есенинский черный человек оставляет больше загадок, чем очевидного. Г. Ойцевич считал, что в поэме С. Есенина описывается тот черный человек, который выходил из кабинетов ОГПУ. По его мнению, именно черты власти, убивающей все светлое, и воплощены в образе черного человека. Если сопоставить содержание произведения и биографию самого поэта, то это предположение кажется более реальным, чем теория других критиков о преимуществе мистического и несуществующего в образе черного человека, созданного С. Есениным.

Список литературы

1. Бишарев О. Л. Тайна Сергея Есенина. – М. : Инкон, 1993. – 133 с.
2. Воспоминания о Сергее Есенине / Под общей редакцией Ю.Л. Прокушева. – М. : Московский рабочий, 1965. – 520 с.
3. Есенин и современность. Сборник. – М., Современник, 1975. – 404 с.
4. Есенин С.А. Собр. соч.: В 2 тт. Т. 1. Стихотворения и поэмы. – М. : Сов. Россия: Современник, 1990. – 480 с.
5. Куняев С.Ю., Куняев С.С. Сергей Есенин. – М. : Молодая гвардия, 1995 (серия ЖЗЛ). – 703 с.
6. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Пособие для студентов. – Л. : Просвещение, 1972. – 272 с.

препаны. страшная, белая,
гадет, лубал, сменяет.
очь лобчашко пугается,
тугих луна забравается.

Ветер лубчи с забравали
Мчитас в лесную дремь
Доша трогается словно
Пречутье совс с пугливы

или костлявщи.
ур над дубравали.
ичи лубчише,
ранишо и Бенишо.

Палишит каздуна луб дзон
С черной дремлюю побивут

Кручевская Алина, 3 курс, «Русский язык и литература». «Колдунья»

ТВОРЧЕСТВО С. ЕСЕНИНА В ЛЕКЦИЯХ М. БАХТИНА О ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

1920-е годы – расцвет философской и литературоведческой мысли М. Бахтина, но выяснилось это, к несчастью, лишь спустя полвека: до 1929 г. имя учёного было *абсолютно неизвестно в печати* (первая его опубликованная работа – «Проблемы творчества Достоевского», 1929 г.). Только после смерти М. Бахтина были обнаружены записи его «домашних лекций» о русской литературе, сделанные Р. Миркиной. Хронологически и тематически они завершают творчество автора в 20-е годы (когда были написаны работы о Ф. Достоевском и Л. Толстом), поэтому были помещены во 2-й том Собрания сочинений, сразу следуя за философско-эстетическими работами предшествующего периода.

Понятно помещение составителями Собрания сочинений лекций М. Бахтина именно в Приложение: поскольку это запись *устного* слова автора. Будучи несколько упрощёнными по педагогическим целям (прочитаны лекции были для витебских школьников и двух ленинградских студенток), лекции, тем не менее, содержат множество ярких и точных характеристик особенностей русской литературы XIX – нач. XX вв., а также живые взгляды и замечания о писателях, литературных направлениях и течениях. Особенно важно вплетение в лекции философских и эстетических взглядов М. Бахтина, которые в дальнейшем будут развиты в его более поздних работах.

В лекциях М. Бахтина о русской литературе выделяются суждения, посвящённые поэзии Серебряного века, современником которого был сам автор (отметим, что М. Бахтин был лично знаком с Н. Клюевым, В. Хлебниковым – героями его лекций). Живость восприятия и анализа ощущаются в каждой лекции о поэтах Серебряного века, особенно в оценках Вяч. Иванова, А. Блока, Андрея Белого. В них М. Бахтин предстаёт в неожиданной для крупнейшего исследователя эпоса и романа роли тонкого и пронизательного читателя и истолкователя поэзии; привлекают внимание его замечания об интонации, поэтической речи, футуристских экспериментах с языком. Причём анализ, проводимый М. Бахтиным, сочетает в себе опору на биографию писателя и внимательное изучение как формальной, так и содержательной стороны стихотворений.

Однако перед чтением и восприятием лекций стоит вспомнить слова самой Р. Миркиной: лекции в записях «сокращены и лишь в некоторой степени передают стиль и дух Бахтина» [2, II, с. 528]. Вслед за комментаторами 2-го тома Собрания сочинений М. Бахтина, отметим, что запись устных высказываний, а в данном случае – лекций, неизбежно влечёт упрощение, сокращение и некоторую долю соавторства. Однако несколько мыслей-интонаций хранит каждая запись, а общий ход литературоведческого анализа, несомненно, принадлежит М. Бахтину.

Запись лекции о С. Есенине, сделанная после 1925 г. (т.е. после смерти поэта), имеет особую значимость: во-первых, она отличается довольно большим объёмом по сравнению с другими лекциями; во-вторых, эта запись – единственное крупное высказывание М. Бахтина о С. Есенине (если не считать кратких упоминаний в беседах с В. Дувакиным), которое содержит не поверхностный отзыв о творчестве поэта, а достаточно целостный анализ его поэзии, размышления об имажинизме и изыскания о литературных влияниях, которые испытал на себе С. Есенин; в-третьих, важен тот полемический тон, в котором выдержана лекция, – особенно на фоне травли С. Есенина, устроенной в 1926-1927 гг. (см., например, «Злые заметки» Н. Бухарина); в-четвёртых, важен контекст, в котором М. Бахтин анализирует творчество С. Есенина и который связан непосредственно с поэзией Серебряного века, в особенности – с символизмом.

Цель статьи – анализ лекции М. Бахтина о творчестве С. Есенина в общем контексте размышлений учёного о поэзии Серебряного века.

Лекция «Есенин», подобно другим размышлениям М. Бахтина о поэтах, начинается с характеристики *литературных влияний*, которые испытал С. Есенин. В современной поэту критике стало общим местом определять А. Кольцова предшественником С. Есенина, а его поэтические корни возводить к «глубинам народным»; традиция эта отчасти сохранилась, и её жизнеспособность подтверждает упоминание А. Кольцова как старшего брата в стихотворении «О Русь, взмахни крылами...». Но М. Бахтин настроен по отношению к этой традиции полемически: С. Есенин «не метеор, упавший неведомо откуда неведомо куда»: он как поэт мог определиться только в самой литературе [2, II, с. 376] (об этом же писал и Б. Эйхенбаум в статье «Некрасов»: «Некрасов спасал поэзию тем, что как бы врывался в неё с улицы, не считаясь с традициями. На самом деле он пришёл не с улицы, а из самой литературы») [5, с. 40].

М. Бахтин отмечает двух крупных писателей, оказавших влияние на становление С. Есенина-поэта: **это Н. Клюев и А. Блок**. Причём Н. Клюев, по мысли М. Бахтина, вышел именно из символизма – отсюда довольно неожиданное сочетание имён. Связано это с особенностями эстетики символизма, которые характеризует учёный: возвращение к мифу, выработанное *внутри* символизма как ответная реакция на интересы символистов, а не как закономерная историческая преемственность, и интерес к сектантству (Н. Клюев и А. Ремизов, к примеру, были близки к хлыстовству – христианской секте, в которой была жива связь с мифом). Сам же Н. Клюев и всё русское, московское в его поэзии пропитаны эстетикой символизма; если бы он оставался в пределах традиций, то не вышел бы из деревни, уверен М. Бахтин. Символистское мироощущение помогло преобразить традицию в поэзии Н. Клюева.

Таким же образом именно *рецепция*, а не следование традициям, определила С. Есенина, подчёркивает М. Бахтин. При рецепции «старое подвергается глубокой переработке, получает другой дух, другой смысл» [2, II, с. 376]. С. Есенин, как и Н. Клюев, попал в город, приобщился к традиции

русской литературы и сделал её задачи своими. В создании же персональной поэтики ему помогла связь с народной песней. Но связь с Н. Клюевым тоже формальна; в поэзию, как считает М. Бахтин, С. Есенин внёс образные, живописные тона, лишённые мифологичности, хлыстовства и вакхической тональности Н. Клюева.

Что касается связи с А. Блоком, то М. Бахтин называет отношения старшего поэта-символиста с С. Есениным «нормальными и хорошими – ученика и учителя» [ср. с высказываниями В. Ходасевича, который тоже связывал А. Блока с С. Есениным: 4]). Именно «литературность» школы А. Блока, «учёба литературе» у него определили многое в поэзии С. Есенина; потом уже были другие школы, чуждые ему, по мнению М. Бахтина, в частности – имажинизм. «Имажинистом Есенин никогда не был, и то *поверхностное* и *наносное* [курсив наш. – Д.К.], что принёс имажинизм, сказалось уже в сложившемся Есенине» [2, II, с. 377]. Красноречивый пассаж М. Бахтина об имажинизме свидетельствует о неприятии им этого литературного течения (такого же мнения был В. Ходасевич и многие последующие исследователи). Имажинизм и сейчас трудно воспринимать как литературное течение: слишком много случайностей, а нервность поэтики, нарочитая контрастность образов и метафор присущи и футуризму, – это позволяет М. Бахтину назвать имажинизм «случайным конгломератом»; при этом учёный уверенно возводит эстетику С. Есенина к символизму. В дальнейшем на своём творческом пути С. Есенин не избежал влияния классиков – А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Фета, особенно в позднем творчестве (напрашивается параллель с мнением того же В. Ходасевича, выразительно написавшего: «Перед смертью он [С. Есенин] душевно и поэтически *эмигрировал к Пушкину* [курсив В. Ходасевича]» [4, II, с. 208]). Близость высказываний М. Бахтина и воспоминаний и размышлений В. Ходасевича доказывает не только пристальное внимание современников к поэзии С. Есенина и общность их литературоведческих выводов, но и подтверждает существование особой атмосферы после смерти поэта, очищенной от конъюнктуры советского литературоведения.

Много внимания М. Бахтин уделяет *формальным особенностям поэзии* С. Есенина. Тезисно они могут быть представлены так:

1. Язык поэзии С. Есенина – это сочетание народного языка с литературным, и восходит это явление к А. Блоку. Отличает С. Есенина обращение к областному, крестьянскому пласту лексики, но без лишних провинциализмов (как у С. Городецкого или А. Ремизова, которые воссоздают мир определённой области России).

2. Метафора С. Есенина близка к метафоре А. Блока, но эмоция в ней не доминирует, – этим она схожа с метафорой Вяч. Иванова. «Вообще метафора Есенина не боится света сознания; это метафора предметная, стремится выдвинуть предмет» (такое же определение находим в лекции о Вяч. Иванове) [2, II, с. 378]. Метафора С. Есенина символична и отчасти парадоксальна: она связывает избу с космосом, а солнце с телёнком. М. Бахтин объясняет это так: в символе С. Есенин высокое берёт не в высшем

его значении, а низкое изымает из прозаического контекста. Это значит, что в хате, описываемой С. Есениным, мы не найдём тараканов и пауков, но встретим космические явления без примеси мистицизма: солнце, день, ночь, жизнь, смерть. Метафора С. Есенина делает предметы равнозначными.

3. Звуковая сторона поэзии С. Есенина не выходит у него на первый план как у А. Блока или К. Бальмонта; М. Бахтин вновь сравнивает его с Вяч. Ивановым, у которого, по замечанию С. Аверинцева, «очень совершенная звукопись, но внешний звукописный момент не играет никакой роли» [1, с. 162].

4. Интонация играет важную роль в ритмической организации поэзии С. Есенина. Сравним с размышлением М. Бахтина об интонации у И. Анненского: исследователь отмечает, что у И. Анненского от интонации зависит смысловое значение слова в разных фразах – в одном случае слово тяжело, в другом оно весома; от интонации зависит, будет ли слово «легко скользить» или «тяжело плестись вперёд». От интонационного фактора, по мнению М. Бахтина, вообще зависит богатство ритмов. Стоит отметить, что в 20-е годы М. Бахтин активно занимается вопросами интонации. Ценные мысли о ней мы можем найти почти в каждой его лекции о поэтах Серебряного века и – отдельно – в лекции о Ф. Достоевском.

Таковы основные формальные особенности поэзии С. Есенина по М. Бахтину. *Тематика* поэта освещается учёным не слишком обстоятельно. В этой же части лекции содержится условное разделение творчества С. Есенина на *два периода* [ср. с периодизацией, предложенной В. Ходасевичем: 4]. Как и многие литературоведы, М. Бахтин с помощью периодизации немного упростил свой анализ творческого пути С. Есенина, поэтому следует с осторожностью принимать такое разделение – так же осторожно нужно относиться к словам самого поэта: «Периодов не было, если брать по существу, моё основное. Тут всё последовательно. Я всегда оставался самим собой» [9, с. 22]. Ведь даже в гармоничном движении поэтического развития есть свои сдвиги, подъёмы и искривления – в поэзии С. Есенина, по мысли М. Бахтина, «кривая» его творческого пути сглажена и «на первый план выступает примирённость всех элементов» [2, II, с. 379].

В первом периоде творчества С. Есенина главной темой М. Бахтин считает тему деревни, в центре которой стоит изба и «избяная жизнь». В ней все космические материи и ценности осмысляются и переводятся на «избяной язык». У Н. Клюева в центре поэтического мира тоже стоит изба как символ мирового целого, однако у С. Есенина преобладают лирические тона и интимное развёртывание лирического образа. Есть у него и мифологический элемент (отмеченный также и В. Ходасевичем), и связан он прежде всего со славянской мифологией и язычеством. Но если Н. Клюев создаёт поэзию, понятную только для камерного круга почитателей, но С. Есенин переводит космическое с мифологических высот до уровня лирического переживания, доступного многим.

Следующая важная тема, отмечаемая М. Бахтиным, – это тема природы, и трактовка этой темы учёным оригинальна. Природа у С. Есенина «не

самодовлеющая, не философская и не моральная природа, а связанная с человеком. Отдельные природные картины, природные образы эмоционально объединяются и сплетаются с человеческой жизнью» [2, II, с. 380]. Природные образы в лирике С. Есенина, по мнению М. Бахтина, не стремятся стать законченным выражением пейзажа, а служат «лирическому заданию» (термин, восходящий, видимо, к работам Ю. Тынянова) [2, II, с. 380].

Во втором периоде творчества С. Есенина в его поэзию, как считает М. Бахтин, вливаются блоковские темы и мотивы – «кабачки, цыганщина, но принявшие совершенно другое выражение» [2, II, с. 380]. Сильно и влияние В. Маяковского и собратьев по имажинизму – на первый план выдвигается город. Но город не воспевается, как у В. Маяковского, в нём С. Есенин чувствует другие тона – гибели и разложения, что сказывается и на распадающихся и разлагающихся деталях в его стихах. В этом отражено личное восприятие социальной действительности, которая не внушает доверия поэту: уходит прежняя Россия, которую любил С. Есенин. Но разложение это обогащено в духе блоковского символизма, оговаривает М. Бахтин, а не в духе «циничной и наглой поэзии Маяковского, где разложение довлеет себе» [2, II, с. 380].

Завершающей темой в поэзии С. Есенина стала тема двойника. То, что наметилось в стихотворении «Проплясал, проплакал дождь весенний» (в частности – строка «Скучно мне с тобой, Сергей Есенин»), в «Чёрном человеке», как отмечает М. Бахтин, разработано по-блоковски очень глубоко [2, II, с. 381]. Интерес М. Бахтина к теме двойничества обусловлен, вероятно, переключкой с Ф. Достоевским. К сожалению, в этом месте записи лекции заметен пропуск, поэтому потенциально ценные размышления М. Бахтина о двойниках у С. Есенина утрачены.

Подводя итоги, М. Бахтин делает следующие выводы: 1) С. Есенин вполне укладывается в рамки символизма, особенно второй период его творчества; 2) формально в поэзию он ничего нового не внёс (в этом с ним заочно солидарен В. Ходасевич); 3) изменение тематики влекло за собой изменение и лексики, и поэзии; во втором периоде поэзия С. Есенина стала нервнее, резче.

М. Бахтин задаётся вопросом, каково же место С. Есенина в истории литературы, и не находит ответ. Сравнения его с А. Пушкиным («у нас есть два великих поэта – Пушкин и Есенин»), иронично вспоминает критиков М. Бахтин [2, II, с. 381]), бытовавшие при жизни поэта и существующие до сих пор, мягко говоря, преувеличены. Связано это с тем, что его поэтический мир слишком мал ввиду своей нереализованности: С. Есенин создал много для своего короткого века, но недостаточно для целостной картины мира, собственной поэтической школы. «Блок был новатором, Есенин оригинален», – подводит черту своему анализу творчества С. Есенина М. Бахтин [2, II, с. 381].

Лекция М. Бахтина, посвящённая творчеству С. Есенина, несомненно, богата ценными и живыми наблюдениями тонкого исследователя и современника. С одной стороны, в ней выявлены основные литературные влияния, оказанные на поэта; кратко, но содержательно охарактеризованы его

поэтика и тематика, предложена очередная периодизация творчества и С. Есенин довольно резко отмежеван от имажинизма и помещён в контекст символизма, а следовательно – всего Серебряного века. Вообще широкий контекст позволил М. Бахтину сделать множество важных наблюдений – как над поэзией С. Есенина, так и над поэзией Вяч. Иванова, Н. Клюева, А. Блока, И. Анненского. С другой стороны, М. Бахтин, как и любой оригинальный и крупный исследователь, ограничился кругом интересующих его тем в творчестве С. Есенина именно *в связи с чем-то* (символизмом) и кем-то (Н. Клюевым и А. Блоком), отчасти не воспринимая его *самоценно*. Многие важнейшие темы С. Есенина остались вне исследовательского зрения М. Бахтина, а его суждения редко подкреплялись иллюстрациями. Бесспорно то, что М. Бахтин прочувствовал поэзию С. Есенина достаточно проникновенно, но выбрал то, что было близко ему. Однако это вовсе не отменяет значимости размышлений М. Бахтина о творчестве С. Есенина, а подчёркивает их самобытный характер.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Поэзия Вячеслава Иванова / С.С. Аверинцев // Вопросы литературы. – №8, 1975. – С. 145–192.
2. Бахтин М.М. Собр. соч. : В 7 т. / М.М. Бахтин. – М. : Русские словари, 2000. – Т. 2. «Проблемы творчества Достоевского». Статьи о Л. Толстом. Записи курса лекции по истории русской литературы. – 798 с.
3. Розанов И. Есенин о себе и других / И. Розанов. – М. : Никитинские субботники, 1926. – 26 с.
4. Ходасевич В.Ф. Собр. соч. : В 4 т. / В.Ф. Ходасевич. – М. : Согласие, 1996. – Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика (1922 – 1939). – 576 с.
5. Эйхенбаум Б.М. О поэзии / Б.М. Эйхенбаум. – Л. : Советский писатель, 1969. – 554.

*Муцинский А.В.
г. Луганск*

СЛАВЯНСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

В своём творчестве С. Есенин с особой любовью и нежностью отразил всё, что связано со славянским пространством: мир славянской детали, мир природы, культуру, верования, фольклорные мотивы и то, что именуют как «русская душа». Славянская ментальность формировалась путём единения человека с природой; «русская душа» и душа природы стремились навстречу друг другу, взаимоотражаясь и подчёркивая самые разные настроения. В творчестве С. Есенина мир природы и души человека – микрокосмос

чувств – противопоставляется ускоряющемуся процессу урбанизации. Противостоят процессу развития мещанства пейзажная лирика, стихи, посвящённые матери, родине, дому, селу – всё это играло роль некоего гимна славянскому миру. О прочной и крепкой связи С. Есенина со славянскими корнями очень точно подметил А. Толстой: «Фамилия Есенин – русская – коренная, в ней звучат языческие корни – Овсень, Таусень, осень, Ясень – связанные с плодородием, с дарами земли, с осенними праздниками. Сам Сергей Есенин, действительно, деревенский, русский, кудреватый, голубоглазый, с задорным носом» [1].

Отличительными чертами в есенинской поэзии выступают религиозные мотивы, ощущение единства со славянским народом, с природой Руси, восхваление русских просторов и пейзажей. В ранних стихотворениях Русь предстаёт перед читателем земным раем, обетованной землёй, незаменимой ничем, нигде и никогда; святее Родины для С. Есенина нет ничего: никакое другое место на земле не способно заменить то, с чем он связан не только территориально, но и метафизически. В начале Первой мировой войны поэт пишет своё знаменитое стихотворение «Гой ты, Русь моя родная...», в котором восхваление лирического героя «полями», «яблоком и мёдом» и прежде всего Родиной в конце пятого катрена выражается в словах: «Я скажу: «Не надо рая, / Дайте родину мою», – для поэта рай – Русь – священная и безграничная [1, с. 70].

В стихотворении «В том краю, где жёлтая крапива...» любовь к Родине у С. Есенина восходит к любви ко всему, даже к «убийцам и ворам»; любить Родину, значит, любить каждую мелочь в ней, всех покинутых, униженных и оскорблённых, любить «грустные взоры» настолько, что лирический герой, желая прочувствовать тоску заключённых, представляет себя таким образом: «И меня по ветряному свею, / По тому ль песку / поведут с верёвкой на шею / полюбить тоску» [1, с. 91].

Неоспоримо, что любовная лирика поэта и сейчас затрагивает каждого человека. Но, пожалуй, тема Родины – Руси – для него была самым тёплым, сердечным, проникающим в душу явлением, связанным с величиной и происхождением с вселенной и космосом, о чём свидетельствуют строки его стихотворения «Пришествие»: «О, Русь, Приснодева, / Поправшая смерть! / Из звёздного чрева / Сошла ты на твердь» [4].

Немаловажную роль играет в творчестве С. Есенина символика красного цвета. Попробуем сопоставить и интерпретировать несколько его строк. Мы читаем: «Сойди, явись к нам, красный конь! / Впрягись в земли оглобли. / Нам горьким стало молоко / Под этой ветхой кровлей...» И сопоставим: «О, верю, верю, счастье есть! / Ещё и солнце не погасло. / Заря молитвенником красным / Пророчит благодатную весть. / О, верю, верю, счастье есть!» [2, с. 147]. С первого взгляда «красный конь» и «молитвенник красный» кажутся несопоставимыми. Стоит вспомнить контекст эпохи, в который были написаны стихи, и в котором красный цвет обозначал символ революционной борьбы, социализма и коммунизма. Но в противовес этому стоит вспомнить такое устойчивое выражение как «красный угол» – часть жилого помещения, в

которой размещены иконы. В обоих стихотворениях «красный» символизирует надежду. В первом – надеются на красного коня, который сделает «молоко сладким под этой ветхой кровлей», во втором – «красный молитвенник» тоже является предметом надежды, надежды на «благостную весть». Отсюда красный цвет не поклон коммунистической символике, а надежда, как «красно солнышко» в Киевской Руси; надежда на светлое будущее; вера в то, что «счастье есть!».

Поэт писал, что в «сердце светит Русь», надеясь на светлое будущее для своей страны. Наверное, оно осуществилось у С. Есенина в сердце и поддерживало его до конца жизни.

Список литературы

1. <https://eksmo.ru/selections/pisатели-современники-o-sergee-esenine-ID3607828/>
2. Есенин С. Стихотворения. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. – 347 с.
3. Есенин С. Стихотворения. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. – 234 с.
4. <http://esenin-lit.ru/esenin/text/prishestvie.htm>.

Кручевская Алена, 3 курс, «Русский язык и литература». «Да! Теперь – решено»

«ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ» С.А. ЕСЕНИНА КАК ПОПЫТКА ОБРЕСТИ УТРАЧЕННУЮ ВЕРУ В ЛЮБОВЬ

В 1921 году поэт Сергей Есенин совершает поездку в Среднюю Азию, где открывает для себя новую культуру, новую жизнь, встречается с новым восприятием мира. С желанием уйти от былых терзаний, болезненной любви, прошлых страданий С. Есенин погружается с головой в экзотическую культуру. Кавказ, Азербайджан, Грузия – Восток, который сильно любил Есенин. Завораживающие женские глаза, народные инструменты и весёлые песни – колорит, оказавшийся близким поэту. Мечта побывать в Персии, которая так и не осуществилась, и знакомство со школьной учительницей, Шаганэ Тальян, которое подарила ему судьба, – всё это способствовало появлению на свет цикла «Персидские мотивы». Сам С. Есенин считал, что этот цикл должен быть необыкновенным – вершиной его творчества.

«Персидские мотивы» относятся к последнему периоду творчества поэта, 1924–1925 годам. В то время поэт хотел побывать в Персии или Турции, но по нескольким причинам поездка не состоялась. Однако интерес С. Есенина к восточным странам проявился в работе над циклом, в который вошли пятнадцать стихотворений.

Цикл создавался постепенно. Сначала С. Есенин ознакомился с лирикой восточных авторов в переводе, часто беседовал со знавшими Персию людьми. Современники говорили, что поэт всегда проявлял интерес к Востоку, его тайнам, загадочности, духовной жизни, тяготел к красоте южной природы, которые были проникновенно и глубоко выражены в творчестве Фирдоуси, Хайяма, Саади.

Интересно, что заглавие цикла двуедино: оно включает в себя сферу автора и определяет своеобразие всей стилистики произведения и мышления автора, поскольку цикл носит автобиографическое, поэтическое содержание и наполнение.

«Персидские мотивы» – стихи живые и эмоциональные. Цикл отражает оптимизм, лёгкость, радость жизни, присущие в тот период Сергею Александровичу.

20 октября 1924 года Есенин пишет Галине Бениславской, другу и литературному секретарю поэта: *«На днях я пошлю... персидские стихи. Стихи, говорят, очень хорошие, да и я доволен ими... Гости, гости, гости, хоть бы кто меня спас от них. Главное, мешают работать»* [6]. Поэт считал персидские стихи лучшими из всех, что написал.

В лирике цикла нельзя найти экзотических примет Востока. Он только упоминает восточные города (Багдад, Тегеран, Шираз), бытовые детали (чадра, чайхана), рисует живописные восточные пейзажи. Всё это придаёт стихам особенный, восточный колорит.

Есть у С. Есенина такие строки: *«Миру нужно песенное слово, Петь по-свойски, даже как лягушка...»*. Смысл этих строк ясен: каждый певец должен не повторять другого, а петь по-своему. Есенину была хорошо знакома восточная легенда о том, как царь Давид хвалился тем, что его песни – самые угодные Богу, на что Бог ответил: *«Ишь ты, расхвастался! Каждая лягушка поет не хуже тебя»*. Эта притча подводит нас к важной особенности цикла. Есенин не пошёл по легкому пути описания «внешнего мира» Востока, он стремился вникнуть в суть восточной поэзии, но писать на свой манер [4, с. 334].

«Персидские мотивы» противопоставлены «Москве кабацкой». Увлекаясь Востоком, поэт помнил свою «страну березового ситца». Образ России прослеживается в его стихах. В стихотворении «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..» постоянно возникает сравнение двух стран: Персии и России. Поэт «с севера» оказался рядом с девушкой с юга. В поэзии персидских авторов С. Есенин находил близкие ему темы и те оттенки в их решении, которые все больше привлекали его самого. Но чтобы они взяли верх в лирике поэта, необходим был отказ от мрачных настроений, получивших отражение в «Москве кабацкой».

К началу работы над циклом поэт обрел необходимое ему душевное спокойствие, состояние, которое он сам считал важной предпосылкой дальнейшей поэтической деятельности. *«Я чувствую себя просветленным, не надо мне этой глупой шумливой славы, не надо построчного успеха. Я понял, что такое поэзия»*. *«Боже мой, какой я был дурак. Я только теперь очухался. Все это было прощание с молодостью. Теперь будет не так»* [1].

На смену терзавших поэта кошмаров пришли другие чувства, жизнерадостное, приподнятое настроение, ожидание чего-то светлого, чистого. Вместо *«крепкой водки и вина»* появляется *«красный чай»*, вместо *кабака – чайхана*. Поэта окружают розы, фруктовые сады, *«воздух прозрачный и синий»*. Теперь он далек и от поцелуев за деньги, и от кинжальных хитростей, и от драк. Радость жизни, устойчивый оптимизм красной нитью проходят через многие стихотворения цикла. Теперь поэт опьянен *«иною кровью отрезвляющею влагой»*. Даже само слово *«пить»*, так часто встречающееся в *«Москве кабацкой»* в значении «напиваться», приобретает в «персидских» стихотворениях иной смысл. И непривлекательная богемная обстановка «Москвы кабацкой» (*«Снова пьют здесь, дерутся и плачут»*) сменилась романтическими картинами Востока.

Так возникает атмосфера, в обстановке которой по-иному чувствует себя поэт и по-иному решает близкие ему темы. Он уже далек от того состояния, когда *«с головой, как керосиновая лампа на плечах»*, шел знакомым переулком в кабаки, где его окружали пьяный угар, скука и безнадежность.

Вместе с гнетущим кошмаром «Москвы кабацкой» из поэзии Есенина уходит грубый натурализм, который наблюдался в освещении темы любви. Возвышенное чувство он выражает теперь романтически, находя в восточной природе романтику, которой проникнут весь цикл.

Если раньше поэт задавал себе вопрос: *«отчего прослыл я шарлатаном, отчего прослыл я скандалистом»*, то теперь он спрашивает у менялы: *«Как сказать мне для прекрасной Лалы по-персидски нежное «люблю»?* Как далеко это от строк: *«Что ж ты смотришь так синими брызгами? Иль в морду хошь?»*. Теперь любовь для поэта не *«зараза»* и не *«чума»*, и он подбирает самые нежные слова, чтобы рассказать о ней. В *«Персидских мотивах»* С. Есенин создал гимн чистой, величественной любви. Здесь она – совсем иное чувство. Для его выражения поэт находит нежные слова. Поцелуй он сравнивает, например, с красными розами:

Поцелуй названья не имеет,

Поцелуй не надпись на гробах.

Красной розой поцелуи веют,

Лепестками тая на губах [2, с.223].

Неизгладимый след в жизни Есенина оставила батумская школьная учительница-армянка Шаганэ Тальян. Познакомил поэта с Тальян батумский журналист Лев Повицкий, в доме которого жил некоторое время Сергей Есенин. Она стала для поэта воплощением всех восточных женщин, с их экзотической внешней красотой и еще большей красотой душевной.

После неудачного брака со всемирно известной американской танцовщицей Айседорой Дункан именно эта армянская учительница русского языка и литературы воскресила в душе Есенина веру в женскую преданность и чистоту помыслов. Почти каждый вечер они прогуливались вместе по парку, поэт дарил девушке фиалки и розы. Уже на третий день знакомства он прочитал ей своё знаменитое *«Шаганэ ты моя, Шаганэ»* и подарил автограф. Лирический герой Есенина обращается к ней, как к своему другу, которому он может доверить свои печали, рассказать о своей родине, о той девушке, которая так ему напоминает ее.

Есенин вводит в цикл мотив романа с Шаганэ, отмечая, что не смог найти пути к её сердцу и спрашивает *«зачем и кому»* поэту петь песни, если к ним Шага остается равнодушна. Эта мысль многократно акцентируется строкой *«Но дверей не смог я отпереть»*. Очевидно, что армянка Шаганэ достигает большего успеха, чем все остальные женщины в жизни Сергея Есенина, которым он отдавал своё сердце. Он не может забыть её, поэтому уезжая из Батуми, говорит ей *«Про тебя на родине мне петь»* [5].

В пятом стихотворении *«Никогда я не был на Босфоре»* можно заметить своеобразное расширение культурно-региональных координат содержания *«Персидских мотивов»*. Тема ностальгии русского поэта, ищущего покоя и умиротворения, начинает звучать в широком контексте мусульманской культуры: *«Никогда я не был на Босфоре...// Не ходил в Багдад я с караваном»*. Пролив Босфор, который связывает два континента: Азию и Европу символизирует два типа мирозерцания: Восток и Запад. В контексте *«Персидских мотивов»* название данного пролива приобретает своеобразное символическое звучание.

Обращает на себя внимание особая динамика произведения, передающаяся через движение мысли лирического героя. В поэтике стихотворения большое

место занимают глаголы, в первую очередь со значением движения: не был, не возил, не ходил, приехал.

В идейно-эмоциональной структуре стихотворения большое значение имеет строфа:

*Я давно ищу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не кляню,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою весёлую страну [2, с. 226].*

Романтические устремления, поиски покоя идыханье свежих чар не заглушают ностальгической тоски:

*Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал [2, с. 227].*

Глаголы в данном случае выражают эмоциональные состояния лирического героя от первичных эмоций к мыслям, а затем к состоянию ностальгии. В общей атмосфере умиротворенности и спокойствия, которые испытывает поэт, звучат все усиливающиеся мотивы тоски по родному краю.

В четырнадцатом стихотворении «Глупое сердце, не бейся!» видим, как поэт в очередной раз словно подводит итоги собственной жизни, и на этот раз затрагивает область чувств, признаваясь, что он больше не хочет искушать судьбу. «Все мы обмануты счастьем», – пишет поэт, имея в виду, что часто выдавал обычное увлечение за истинную любовь. Вот и сейчас, наблюдая за девушкой Лайлой, автор испытывает знакомые ощущение душевного смятения и томления – признак того, что готов влюбиться. Но поэт сам себя останавливает, так как считает, что время проб и ошибок для него уже закончилось. «Только удел желанный больше искать я не буду», – отмечает автор.

«Глупое сердце, не бейся» – эта первая строка, включающая обращение, становится лейтмотивом. Она кольцует все строфы и, кроме того, стихотворение в целом, от этого его эмоциональный накал сильно возрастает. Такая система повторов применяется как дань восточной витиеватости и красноречию.

«О чем ваш цикл, Сергей Александрович?» – спросил его молодой писатель И. Рахилло. «О счастье в любви, – ответил, улыбаясь, Есенин. – И о быстротечности этого счастья. Оно быстротечно, мой друг, слишком быстротечно...» [4, с. 332].

Все стихи сборника посвящены Востоку, России и, конечно же, женщине. Несмотря на то, что писатель находился достаточно далеко от Родины, он не прекращал думать о «фрянских полях», России, но в то же время восхищался Востоком и его многовековыми традициями и культурой. Во многих творческих работах Есенин упоминает традиции и чай Востока: «Сам чайханщик с круглыми плечами, чтобы славилась пред русским чайхана, угощает меня красным чаем...» [4, с. 221].

В цикле «Персидские мотивы», таким образом, воплотились самобытные творческие поиски поэта. Через приобщение к восточной культуре он не только отразил новые грани своего гуманистического мироощущения, но и

развил сложившуюся в русской литературе традицию изображения Востока. В цикле и в других стихотворениях этих лет С. Есенин полностью освобождается от усложненной имажинистской образности. Из его поэзии исчезают надрывные и вызывающие интонации и связанные с ними грубые выражения. Мир новых, чистых, высоких чувств, переживаемых поэтом, воплощается теперь в спокойных и мягких тонах. Поэзия С. Есенина обретает свойственную ей плавность и мелодичность, глубокий проникновенный лиризм, задушевность. Отчетливо выражено тяготение поэта изображать мир внутренних, интимных переживаний.

Он никогда не бывал в Персии, но так был предан этой мечте, что она проявилась для него во всех красках. С. Есенин воссоздает восток с такой точностью, что сам почти поверил, что побывал в Персии. «Персидские мотивы» – это лирическая исповедь, выразившая состояние и сознание Сергея Есенина – человека и поэта – на том жизненном отрезке его судьбы.

Список литературы

1. Белоусов В.Г. Персидские мотивы [Электронный ресурс] / В.Г. Белоусов – Режим доступа: <http://esenin.ru/o-esenine/stati/belousov-v-g-persidskie-motivy>, свободный.

2. Есенин С.А. Собрание сочинений в трёх томах. Т.1 [Текст] / С.А. Есенин. – М. : Правда, 1970. – 382 с.

3. Койчужев Б.Т. «Персидские мотивы» С.А. Есенина: диалог культур. Учебно-научное пособие. – Б.: КРСУ, 2011. – 118 с.

4. Наумов Е. Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. [Текст] / Е. Наумов. – Л. : Лениздат, 1973. С.329 - 336.

5. Рябчинская Т.А. Загадка Шаганэ [Электронный ресурс] / Т.А. Рябчинская – Режим доступа: <http://xn--elajitbu.xn--plai/o-esenine/zhenshchiny-esenina/riabchinskaia-t-a-zagadka-shagane>, свободный.

6. Юшин П.Ф. Сергей Есенин. Поэзия. «Персидские мотивы» и лирика 1924–1925 годов в творческой эволюции С. Есенина. [Электронный ресурс] / П.Ф. Юшин – Режим доступа: <http://esenin-lit.ru/esenin/yushin-esenin-poeziya/persidskie-motivy.htm>, свободный.

Михайлик Алина, Тепикина Анастасия, 2 курс, «Русский язык и литература»

ПРОБЛЕМАТИКА И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭМЫ ЕСЕНИНА «АННА СНЕГИНА»

Поэма «Анна Снегина», изданная С. Есениным в 1925 году, является непосредственным откликом поэта на события тех лет, происходящие в России, свидетелем которых самому автору довелось стать в деревне семнадцатого года. Именно этот факт привнес в поэму и достоверность, и удивительную силу изображения, и задушевный лиризм.

В течение длительного времени об «Анне Снегиной» говорили лишь как о лирической поэме, однако для нас очевидно, что источник ее художественной силы не только в глубокой лиричности, но и в глубине изображаемых событий. В данной поэме, несомненно, присутствуют элементы эпического повествования. Ю. Прокушев отмечает, что в поэме «Анна Снегина» чувствуется дыхание переломной эпохи в жизни русского народа, что в ней мы можем видеть народ, расторможенный революцией, и те большие изменения, которые она привнесла в историю страны [2, с. 297]. Но назвать эту поэму просто эпосом мы тоже не можем, ведь даже название носит лирический характер. Сам С. Есенин назвал свое произведение «очень хорошей лиро-эпической поэмой» [1, с. 644].

В начале поэмы лирический герой возвращается в родное село, дорогое его сердцу, где прошла его юность. Но помимо тоски по родным местам, воспоминаний о юношеской любви, автор описывает те изменения, которые произошли на его малой родине. Это и Первая мировая война, и изменение прежней жизни, и раздоры, и вражда среди деревенских жителей. «...У нас здесь теперь неспокойно. / Испариной все зацвело. / Сплошные мужицкие войны – Дерутся селом на село...» – жалуется на жизнь старуха, жена мельника, у которой гостит лирический герой.

Для него в этих изменениях России основой стала убежденность в своей антивоенной позиции, в неприятии насилия. Стать дезертиром – сознательный выбор героя, который не хотел больше быть участником бессмысленной и чуждой интересам народов бойни [5, с. 162]:

Война мне всю душу изъела.
За чей-то чужой интерес
Стрелял я в мне близкое тело
И грудью на брата лез [1, с. 160].

Даже февральская революция 1917 года, когда страной управлял Керенский, не поменяла ни историческую ситуацию, ни взгляды героя на войну и участие в ней:

Но все же не взял я шпагу...
Под грохот и рев мортир
Другую явил я отвагу –
Был первый в стране дезертир [1, с. 161].

Еще одно важное чувство наполняло душу лирического героя – воспоминания о юношеской любви. Описывая первую встречу Сережи с Анной Снегиной, автор использует традиционный для любовной лирики сюжет, в котором встречаются через много лет два некогда любившие друг друга сердца, разлученные позже судьбой. Данная встреча позволяет героям снова ощутить те эмоции, которые испытывали когда-то давно:

И в сердце хоть прежнего нет,

По-странному был я полон

Наплывом шестнадцати лет.

Кульминация в отношениях героев наступает тогда, когда Анна узнает о смерти мужа-офицера и взволнованная она укоряет поэта за его трусость. Лирический герой в данной сцене ведет себя достойно: он не пререкается, и даже не объясняется, а просто уходит из дома убитой горем девушки. Развязкой же этих отношений стал последний разговор героев. Когда крестьяне захватили господский хутор и выгнали Анну с матерью на улицу, мельник забрал их к себе домой. Анна просит прощение у Сергея за свои резкие слова, которые она высказала при последней встречи. Также героиня признается в том, что когда-то в юности, когда она сказала ему «нет», любила его. Анна, как и лирический герой, все это время помнила о своей девичьей любви:

Это было в детстве...

Другой... Не осенний рассвет...

Мы с вами сидели вместе...

Нам по шестнадцати лет [1, с. 182].

Образ лирической героини привлекателен для нас не только благодаря ее внешней красоте – «стройный лик», «красивый и чувственный рот» и «лебединые руки» [1, с. 172], но и благодаря ее душевному обаянию. Анна проводит большого героя, извиняется за грубые слова, а также не жалуется на жизнь, несмотря на то, что ее выгнали с дома. А ее письмо из Англии говорит о ней, как об умной, сильной женщине, которая принимает с достоинством все испытания судьбы. В эмиграции Анна часто думает о России, вспоминая дорогие ее сердцу окрестности Радова.

В это время решался самый важный для крестьян вопрос: отдадут ли им без выкупа пашни господ? В поэме «Анна Снегина» С. Есенин в первый раз открыто заговорил о политическом расслоении крестьян в годы революции. Наумов отмечал, что в «Анне Снегиной», в отличие от произведений, которые прославляют Русь как единое целое, поэт изображает разных мужиков: есть крестьяне-труженики, а именно деревенская беднота, которые приветствуют Советскую власть и следуют за Лениным; есть среди сельчан еще и такие, которых, по уверению Прона, «надо еще варить»; есть закоренелые собственники, похожие на «отвратительного малого» – возницы; есть бездельники, ищущие легкой жизни [3, с. 382].

Также поэма насыщена реалистически изображенными персонажами, типичными лицами, специфичными деревенскими фигурами: болтливый возница, выпрашивающий у приезжего гостя лишний рубль; хитрый мельник,

способный заработать на дворе хозяина и не разорвать своих связей; брат Прона – Лабутя – балабол и хвастун; и целый крестьянский хор, который наполняет поэму своими голосами. Меж крестьян мы видим и самого поэта, который является неотъемлемой частью народа, их мечтаний и надежд.

В своей поэме «Анна Снегина» С. Есенин поднимается до подлинного историзма в изображении революционных событий, с которыми тесно связаны судьбы главных героев. Отношение поэта к своим героям проникнуто душевностью, искренностью, озабоченностью их судьбами.

«Сколько зримых, конкретно-исторических события Октябрьской эпохи и прежде всего беспощадной классовой борьбы в русской деревне; сколько общечеловеческого, вечного, что веками составляло суть и духовной и плотской жизни рода людского и что продолжает волновать нас всех и каждого, смог вместить Есенин в характеры, поступки, а точнее - в сложные, драматически-противоречивые судьбы своих главных героев, и прежде всего Анны Снегиной» [4, с. 74]. Поэт наделил их своеобразными, неповторимыми чертами. У каждого из них своя отдельная жизнь на страницах поэмы; у каждого свои переживания и радости; каждый из них делает свои ошибки и, наконец, по-своему любит Россию.

«Анна Снегина» – синтез многих лирических мотивов поэзии Есенина, одно из лучших проявлений его духовного возмужания и таланта. Лиризм поэмы подчеркивается и ее кольцевой композицией, характерной для подавляющего большинства стихотворений поэта. Вся поэма заканчивается почти буквальным повторением тех строф, которые открывали ее лирическую тему. При неослабном звучании лирической темы в ней достигнут широкий масштаб изображения народной борьбы и глубокое проникновение в человеческие характеры.

Список литературы

1. Есенин С.А. Собрание сочинений: В 7т. / С.А. Есенин.– М. : Наука. – 1998. – Т. 3. – 720 с.
2. Прокушев Ю.Л. Сергей Есенин. Образ. Стихи. Эпоха / Ю.Л. Прокушев. – М.: Молодая гвардия. – 1989. – 349 с.
3. Наумов Е. Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха / Е. Наумов. – Л. : Лениздат. – 1969. – 496 с.
4. Эвентов И.С. Сергей Есенин: биография писателя / И.С. Эвентов. – Л. : Просвещение. – 1978. – 128 с.
5. Голубков М.М. Русская литература XX в.: Учебное пособие для абитуриентов вузов / М.М. Голубков. – М. : Аспект Пресс. –2003. –267 с.

Кручевская Алина, 3 курс, «Русский язык и литература». «Ты меня не любишь, не жалеешь...»

С.А. ЕСЕНИН И В.В. МАЯКОВСКИЙ: ТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ ДВУХ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Они жили в одно время, творили в одну эпоху, которую позже назовут «Серебряным веком», но были такими разными.... Один высок, широкоплеч, темноволос, даже внешне выглядит сурово, в нем четко видна мужественность. Другой миловиден, светловолос, кажется, всегда задумчив, с грустным взглядом. Первый из города, статный и важный; второй из села, эдакий простак. Как можно было догадаться, речь идет о двух противоположностях XX века – Владимире Маяковском и Сергее Есенине. Но эти различия не важны, если брать в учет главное – принадлежность к разным литературным течениям. Есенин был имажинистом, а Маяковский – футуристом, что и создало некие разногласия между ними.

До сих пор литературоведы не пришли к общему мнению по поводу взаимоотношений двух поэтов. Одни считают, что мужчины ненавидели друг друга, другие же твердят, что разногласия были только в творчестве, а в жизни поэты относились друг к другу с уважением.

Литературные пути Есенина и Маяковского пересеклись еще в 1914 году, тогда в одной газете была опубликована статья Маяковского и стихотворение Есенина. Первая встреча состоялась через два года, Есенин в то время внимательно читал Маяковского, цитировал его, комментировал отдельные строчки, образы и рифму (хоть и не всегда лестно). Маяковский видел публикации Есенина в журналах, а о встрече позже отозвался так:

«В первый раз я его встретил в лаптях и в рубахе с какими-то вышивками крестиками. <...> Он мне показался опереточным, бутафорским. Тем более что он уже писал нравящиеся стихи и, очевидно, рубли на сапоги нашлись бы. Как человек, уже в свое время относивший и оставивший желтую кофту, я деловито осведомился относительно одежды: – Это что же, для рекламы?»

Есенин отвечал мне голосом таким, каким заговорило бы, должно быть, ожившее лампадное масло.

Что-то вроде:

– Мы деревенские, мы этого вашего не понимаем... мы уж как-нибудь... по-нашему... в исконной, посконной...

Его очень способные и очень деревенские стихи нам, футуристам, конечно, были враждебны.

Но малый он был как будто смешной и милый».

А вот Есенину не нравилась подача Маяковского:

«Про Маяковского что скажешь? Писать он умеет – это верно, но разве это поэзия? У него никакого порядка нет, вещи на вещи лезут. От стихов порядок в жизни быть должен, а у Маяковского все как после землетрясения, да и углы у всех вещей такие острые, что глазам больно».

После выступления поэтов в 1923 году на вечере в Литературно-художественном институте появилось мнение, что поэты просто злейшие враги, хотя это было «соревнование» в мастерстве: они поочередно читали собственные стихи.

Главное отличие их лирики: один был имажинистом, а другой – футуристом. Консерваторы и либералы – вот как можно охарактеризовать отношения двух литературных группировок. Консерваторами были, конечно, имажинисты, ратовавшие за мелодику и ясность, простоту и доступность, за романтику, в конце концов. Либералами являлись футуристы (от английского future – будущее, поэты, стремившиеся обновить литературу, в том числе и ее язык), приветствовавшие революцию как новое будущее – то есть то, к чему стремились они сами. Ожидаемо, что две группировки вступят в полемику, обвиняя друг друга в убийстве поэзии.

У Есенина и Маяковского были абсолютно разные взгляды на отношение к поэту и поэзии в целом. Эта тема волновала Есенина на протяжении всей его жизни. Он осознавал себя поэтом уходящей России, крестьянская Россия была для него воплощением рая, поэтому он очень болезненно принял Революцию. В стихотворении «Я последний поэт деревни» четко прослеживается его связь со «старой» Россией, которая породила в нем поэта, любовь к ней. Новое он принимать не хочет, это видно в строках:

Не живые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья-кони
О хозяине старом тужить.

Трагические мироощущения поэта родились гибелью любимой Руси. И гибель эту он встретил, словно свою собственную. Не будет больше он воспевать родные края и то, что дорого сердцу поэта. Есенин не видит свою деятельность в «новой» России, не сможет он творить и петь. Ведь его цель была показывать именно полевою Россию. А раз ее теперь не будет, то что ему остается делать? Он не принимал поэзию нового времени, не видел себя в будущем этой поэзии. Он видел себя только поэтом деревни, хотел показать истинную красоту своей Родины, чего нельзя было сделать в «измененной России». Теперь же Есенин понимал, что его творчество будет пропитано лишь тоской и ностальгией. В одном из своих последних стихотворений «Спит ковыль. Равнина дорогая...» он сказал:

По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет кровью
На мои поляны и луга.

Противопоставлен ему был Владимир Маяковский. Он считал, что литератор должен быть резким, иногда мог говорить быстрее, чем думать. Если Есенин был чуток к своей персоне, как к поэту, то Маяковский сам замечал, что у него «врожденная бестактность». Он считал, что поэт обязан писать обо всем, что его волнует, любая тема является познанием чего-то нового, а поэзия – «езда в неизвестное». В понимании Маяковского поэт

выполняет большое и ответственное дело: управляет сердцами и умами людей на одном большом корабле, называемом страной. Он считает, что прекрасное нужно находить в мелочах, а это под силу только избранным. В этом Маяковский видит тонкость души поэта:

А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?

Взгляды Маяковского на поэзию основывались и на революции. Если Есенина она сгубила, то Маяковскому только дала новые силы. Поэт считает, что творчество, создание стихов такой же тяжкий труд, как и работа у станка. В стихотворении “Поэт рабочий” Маяковский говорит о том, что

Я тоже фабрика.
А если без труб,
то, может,
мне
без труб труднее.

Но труд поэтов – почтенный паче –
людей живых ловить, а не рыб.
Огромный труд – гореть над горном,
железа шипящие класть в закал.

Таким образом, перед нами две противоположности. Один – «свой парень», простой, гуляка, с легким слогом. Другой – человек, мечтавший изменить литературу, новатор со сложной строкой. Существовала ли та поэтическая дуэль, о которой говорилось ранее? Мысли о ней появились у широкой публики после выхода на экраны биографического сериала о Сергее Есенине. Всё указывает на правдивость этого противостояния, но не нужно забывать о литературном вымысле, которым вполне мог быть приукрашен сюжет данного сериала. Хотелось бы оставить домысли о соперничестве двух поэтов, потому что уже через 3 года после того самого выступления в институте Маяковский напишет статью «Как делать стихи?», в которую войдет посмертное стихотворение Есенину. Высоко оценив талант Сергея Александровича, его мастерство владения словом, Маяковский расценил эти качества как образец и идеал поэзии:

– Прекратите!
Бросьте!
Вы в своем уме ли?
Дать,
чтоб щеки
заливал
смертельный мел?!
Вы ж
такое
загибать умели,
что другой

на свете
не умел.

Следовательно, нельзя утверждать, что два этих поэта являлись врагами. Мы не имеем точных сведений о поэтических дуэлях, но у нас есть упоминания столкновения имажинизма и футуризма. Творческую полемику с С. Есениным В. Маяковский вел до конца жизни (поэтические заготовки поэмы «Неоконченное»), но вражда между этими людьми вряд ли могла существовать. Это два разных поэта, каждый из которых уникален по-своему.

Список литературы

1. Наумов Е. Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. [Текст] / Е. Наумов. – Л. : Лениздат, 1973. С.329 - 336.
2. Маяковский В. Поэмы. Пьесы/ В. Маяковский. – М., Дрофа: Вече, 200 с.
3. Пендина П.А. Как относились друг к другу Владимир Маяковский и Сергей Есенин [Электронный ресурс] / П.А. Пендина — Режим доступа: <https://www.culture.ru/s/vopros/mayakovskiy-vs-esenin/>, свободный.
4. Маяковский В.В. Из статьи «Как делать стихи? // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2-х т. [Электронный ресурс] / Вступ. ст., сост. и коммент А. Козловского. – М.: Худож. лит., 1986. – Т. 2. – С. 358–360. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/esenin/critics/ev2/ev2-358-.htm>, свободный.

Конькова Марина, 3 курс, «Русский язык и литература»

С.А. ЕСЕНИН В КРИТИКЕ СОВРЕМЕННОКОВ И ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

В этом году двойной юбилей, 125 лет, со дня рождения великого русского поэта и 95 лет со дня кончины Сергея Есенина. Уже прошёл ни один год с того дня, как нас покинул творец, но его помнят и будут помнить, его творчество всё ещё изучается и школьниками, и студентами, и профессорами, и будет исследоваться ещё много лет. Есенин ушёл из жизни трагически, преждевременно, но и то, что успел сделать поэт, стало бесценным национальным достоянием.

«Самый простой, самый настоящий, пришедший из рязанских солнечных полей.» У него была своя простая правда «о свежевспаханном поле, о жеребенке на косогоре у телеграфных столбов. Алкоголь тек в его жилах густой и отравляющей песней. Но была в этой песне такая ветровая воля, такой полевой простор, что дух захватывало и слезы поступали к горлу...» две цитаты вместе ставить не желательно(!) добавьте ваши выводы, комментарии как автора научного исследования... «Он пел, потому что песенный воздух зудил грудь и просился на волю.» Этот звонкий «яснокрылый» певун «навсегда останется в нашей памяти одиноким путником простой полевой межи, бедный рязанский паренёк, с голубыми, как его деревенская речка, глазами!» Так в статье Всеволода Рождественского за 28 декабря, 1925 года, которая была опубликована в одном из выпусков газеты «Красная» о паренёке с невероятно чистой настоящей русской душой, о поэте, которого знал и любил весь мир, который навсегда остался в сердцах миллионов, о Сергее Александровиче Есенине [1].

Свою первую похвалу поэт получил, когда был ещё восемнадцатилетним мальчишкой. Он тогда приехал в город, чтоб поведать о своей восторженной любви к простой, даже незамысловатой жизни, донести о простой её красоте... «Как обжора встречает землянику зимой, так и город встретил поэта, так жадно и восхищённо». Его стихи хвалили, но эти комплименты были лицемерны и завистливы. Немного позже, когда Сергею Александровичу было 20, он напоминал приказчика из кондитерской с ярко золотыми кудрями, на которых он уже носил модный котелок. «Друзья поили его вином, женщины пили кровь его». Трудностей в жизни поэта тоже хватало, но и в эти трудные моменты своей поэтической жизни Сергей Есенин находил в себе новые силы творить: он обращался к своим ярким воспоминаниям из своего детства и юношеских годов. Эти отклики будили у поэта ощущения глубокой, сыновьей любви к своей Родине. И это было его окрылением на творчество. Так Максим Горький в письмах к Ромену Роллану вспоминал о том, как Есенин начинал свою поэтическую карьеру [2, с. 458–459].

О творчестве и о самом писателе существует множество мнений. О нем говорили в годы его творения, после его трагичного угасания и будут говорить

ещё многие годы. Многие даже посвятили целые работы, посвященные творчеству великого поэта. Кто-то восхищался им, а кто-то и критиковал. Трудami нескольких поколений ученых создана серьёзная научная база есениноведения, основу которой составили труды многих исследователей, литературоведов, критиков и поэтов, которые творили бок о бок с С.А. Есениным или те, кто возвращался к его творчеству спустя года.

Отношение к Есенину как к русскому национальному гению укоренилось не только в общественном сознании, но и в литературоведении к концу XX века. Перед есениноведами возникает необходимость изучения природы возникновения данного явления. Речь в данном случае идёт не только о литературно-фольклорных традициях, но и о более широко понимаемой национальной культурно-исторической преемственности, которая лежит в основе каждой темы, представленной в лирике стихотворца [8 с. 113].

Среди выдающихся русских поэтов XX века именно Есенин является отражением русского национального сознания во всей его самобытности и полноте. И вся эта глубина, чистота, все эти мысли, чувства и эмоции, вся народная душа поэта отражена в его творчестве.

Георгий Владимирович Иванов создал монографию, посвященную Есенину и его творчеству. Иванов не просто восхищается глубокой народностью поэта и скорбит о его смерти. Георгий Владимирович важно подмечает, что крестьянство – это одна из ведущих тем в творчестве Сергея Александровича, что не случайно, ведь сам поэт выходец из народа [6, с. 114]. Эта же мысль прослеживается в работе Воронского Александра Константиновича «Об отошедшем» (С.А. Есенин). Он пишет, что «...Дар Есенина — мир конкретных, деревенских образов,» что сила поэта в том, что он способен реализовывать их до «освязаемости». Сергей Александрович, по словам Александра Константиновича, может внести в русскую поэзию (нашу) «простоту, крепость, сочность от народного искусства, от эпоса, песен и т.д...» [7, с. 67].

Мнений критиков о Есенине множество, но большинство сходятся в единой мысли о том, что Сергей Есенин писал о том, что волновало его самого и современников. Он был дитем своей эпохи, познавшей много катаклизмов. Именно поэтому основные темы поэзии Есенина – судьба русской деревни, настоящее и будущее России, умиление природой, любовь к женщине и религия. Многогранность тематики творчества Есенина оправдывает уникальность его поэтического таланта.

Но существует и другая сторона мнений о поэте и его творчестве. Не все критики писали о Сергее Александровиче восхищённо. Находятся и те, кто отзывался о его работах не совсем лестно. Среди них русский поэт-футурист Алексей Елисеевич Кручёных.

«Нездоровая церковно-мистическая закваска первого периода есенинской поэзии была сама по себе гибельна. Идиллические образы вымышленной деревни и поповщины не могли вывести его поэзию на настоящую плодотворную дорогу...»; «по содержанию и по психоидеологии «Радуница» –

творчество религиозного кулака на отдыхе» - так объяснял А. Кручёных эволюцию Есенина [3].

Это мнение о поэзии Есенина получило широкое распространение, хоть и было не верным. В основе этой критики лежит ложное мнение о том, что у Сергея Александровича ещё в детстве сложились чуждые советской литературе впечатления и взгляды, которые и стали отправной точкой творчества развития поэта. Но стоит лишь внимательно изучить стихотворения раннего творчества Есенина и станет понятно, что религиозная мистика, поповщина и кулацкая идеология – это преувеличение по отношению к раннему Есенину. Пагубные для поэта влияния эстетствующей столичной братии столкнулись с чистейшими идеалами молодого поэта в неустоявшемся идейном сознании. Душа писателя была наполнена желанием и рвением, чтоб поведать всем миру о его любви к жизни, а не религиозными мотивами.

Критики двадцатых годов также пытались представить всё творчество Есенина как выражение буржуазного и мелкобуржуазного упадочнического индивидуализма. Основными мотивами лирики поэта они считали воплощением религиозным и любовных влечений. Эта мысль о творчестве Есенина звучала не единожды.

Так в 1927 году И.Д. Беляевым была опубликована брошюра, в которой он утверждал, что по характеру творчества Есенин типичный деятель буржуазного и мелкобуржуазного упадочнического индивидуализма. Беляев в своей работе выделил схему творчества С.А. Есенина: Религия – хулиганство – смерть. Основными мотивами в творчестве поэта, по мнению Беляева, являются религиозный и любовный. Также Иван Дмитриевич отмечает, что такое выделение оправдывается не только количественным преобладанием, но и тем, что они эволюционируют в течение всего творческого пути писателя. Затем добавляет, что любовный мотив оказывается преобладающим. Своё мнение о том, что Есенин не крестьянский поэт доказывает тем, что «по своему словарю, стихотворной фразе, ритмам и мотивам он примыкает именно к «городской буржуазии и мелкобуржуазной интеллигентской прослойке, являясь ее поэтом» [5, с. 50–53].

В своей брошюре Иван Дмитриевич Беляев упускает самый главный мотив творчества С.А. Есенина – любви к Родине.

«Если крикнет рать святая: / «Кинь ты Русь, живи в раю!» / Я скажу: «Не надо рая, / Дайте родину мою». (1914 год). [4]

Сергей Александрович безмерно счастлив, что он чувствует себя частью своей Родины, частью народа. Это чувство для Есенина важнее, чем все богатства этого мира, ведь эти сокровища никогда не заменят ему любви к Родине.

Алексей Николаевич Толстой кратко, но очень ёмко высказался о таланте С.А. Есенина. Он говорил, что поэзия Сергея Александровича – это «как бы разбрасывание обеими пригоршнями сокровищ его души...» [9, с. 11]. Этим высказыванием писатель подчеркнул всю глубину творчества крестьянского поэта, что его лирика является отражением всего того, чем наполнена душа С.А. Есенина.

Творчество Сергея Александровича ценилось не только на родине поэта, но и за рубежом. Исследователей разных стран привлекает живая прелесть есенинской поэзии, ее задушевность, глубина и искренность переживаний, так колоритно и звонко выраженная поэтом. Хорошо ощутимое и захватывающее обаяние поэтической образности Есенина таит в своей легкости и простоте многие и пока что не полностью раскрытые секреты его творческих успехов.

Со статьями о С.А. Есенине неоднократно выступал югославский поэт и критик Густав Крклец. Из статей Густава видно, что критик глубоко любит и ценит поэзию русского поэта. Он в своих работах чётко проводит грань между Есениным и есенищиной. Но эта любовь к поэзии С.А. Есенина, а также к поэзии В. Маяковского, А. Блока сочетается у Густава Крклеца с отрицанием каких бы то ни было творческих успехов современной советской поэзии. Талант С.А. Есенина Густав Крклец возвышает над творчеством современных советских поэтов, и считает творчество крестьянского стихотворца недостижимым идеалом для советских творцов. А это лишает Густава Крклеца объективности. После смерти В. Маяковского и С. Есенина, по мнению Густава Крклеца, в русской литературе «наступил тяжелый застой и даже, можно сказать, пустота» [10, с. 96, 99].

Творчество Сергея Александровича Есенина бессмертно. Многие писатели и сейчас обращаются к его творчеству, изучают и собирают мнения о его лирике. Так Дмитрий Силкан является создателем первой в своем роде книги, в которой представлена широкая панорама мнений, суждений, оценок, которые объединены одной темой: жизнью и творчеством Сергея Александровича Есенина. «Сергей Есенин. Навсегда остался поэтом» включает в себя мнения многих современных литературоведов, критиков, писателей, деятелей искусства: Н.И. Шубникова-Гусева, руководитель есенинской группы в ИМЛИ, её ученики Е.А. Налепин, В.Н. Крупин, известный современный прозаик Р.В. Сенчин, писатель старшего поколения В.В. Личутин, философ и филолог П.В. Калитин, А. Чистяков, поэт, М.А. Замшев, М.А. Айвазян, В.А. Силкин, поэт и композитор Г.Э. Норд, прозаик С.Ю. Соколкин, С. Шетракова, и т.д. В этой книге собраны не просто мнения о творчестве поэта, а о том, как оно повлияло на жизни простых людей. Некоторые даже достигли определённых успехов благодаря творчеству С.А. Есенина.

Так, Светлана Шетракова, директор Московского Государственного музея Сергея Есенина, из-за любви к поэту поступила на филологический факультет, пошла заниматься в Школу юных филологов, также только из любви к нему и к его творчеству и, учась на втором курсе, бросив всё, уехала в село Константиново, где после долгих упрасиваний её взяли работать экскурсоводом в музей-усадьбу С. Есенина как настоящую почитательницу поэта.

Некоторые высказывали свое мнение об изучении творчества и личности С. Есенина. Так Александр Чистяков считает, что «судьба поэта – это прежде всего его произведения» и подробную биографию стихотворца нужно запретить публиковать, т.к. это отвлекает от самого главного, творчества

поэта. Он отмечает: «за поэта должны говорить его стихи!» Александр Чистяков заявляет, что народ «не читает эти заумные книжки, где скрупулёзно перечисляют его любовниц или дебоши». Чистяков придерживается мнения, что людям не нужна вся подноготная писателя, им нужно творчество, которое лучше всех биографий говорит о душевном состоянии творца [11].

Сам Сергей Александрович писал: «Жить нужно легче, жить нужно проще, все принимая, что есть на свете». Таким он и запомнился всем тем, кто изучал, критиковал или просто увлекался творчеством великого поэта с широкой русской душой. Мнения о нем и его творчестве разнообразны. Кто-то возвышал писателя и считал идеалом, а кто-то видел его заурядным поэтом и просто хулиганом. Но он жил и писал, не кривя душой. Он жил с раскрытой душой на распахку – всё равно, что ходил с раскрытой ширинкой. В этом и есть вся прелесть Сергея Есенина. Да, его творчество критиковали, но главное то, что оно было от всей души.

Список литературы

1. Газета «Красная» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_NP_000357/
2. Горький М. «Собрание сочинений» в тридцати томах (том 29)., – М., ГИХЛ – 1953.
3. Кручёных А. «Драма Есенина». – М., – 1926.
4. Интернет библиотека Комарова А. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/1298/p.1/index.html>.
5. Беляев И. «Подлинный Есенин». – Воронеж. – 1927.
6. Иванов Г. «О Сергее Есенине», – М., – 1993.
7. Воронский А. «Об отошедшем», – М., – 1990.
8. Прокушев Ю. «Слово о Есенине», – М., – 2006.
9. Агеносов В., Архангельский А. Русская литература XIX – XX в. Программа для общеобразовательных учреждений. 10 – 11 классы. – М., – 2004.
10. GustavKrklec. «Licaikrajolica», – Zagreb, – 1954 (ГуставКрклец. «Лица и пейзажи», – Загреб, – 1954).
11. Силкан Д. «Сергей Есенин. Навсегда остался поэтом». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=634147&p=1>.

*Хатнюк А.В.
г. Луганск*

МОТИВ ОДИНОЧЕСТВА ТВОРЧЕСТВЕ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

На протяжении своей жизни, хоть и окружённый любящими его женщинами, друзьями, поклонниками и меценатами, Сергей Есенин, тем не менее, постоянно испытывал чувство отчуждённости от окружающих и их идей.

К примеру, его переезд в Москву, сопутствующая скандальная жизнь, эпатаж, развивающееся пьянство обусловили расхождение, двойственность тем автора: с одной стороны, именно эпатажная лирика («Я нарочно иду нечесаный»), с другой – воспоминания о родном селе, жизни в нём как о самом светлом периоде. Тема отчества получает развитие в стихотворениях «Русь советская», «Русь уходящая», «Возвращение на Родину» [1, с. 54].

Большевистский переворот, поглотивший страну, раскулачивание, продвольственная развёрстка и многие другие изменения, произошедшие в деревне, поэт воспринимает негативно, считая прошлое невозвратимым, невозвратима и светлая, беззаботная жизнь; Есенин чувствует утрату связи с родным краем, где теперь «поют агитки Бедного Демьяна»:

Язык сограждан стал мне как чужой,

В своей стране я словно иностранец.

Страна, опьянённая переворотом, не восприняла Есенина как поэта, после чего он назвал себя «последним поэтом деревни». Автор усиливает ощущение трагизма прямыми сравнениями, подчеркивающими смену идеалов:

У волости, как в церковь, собрались.

И вот сестра разводит Раскрыв, как Библию, пузатый «Капитал».

Или в других его строках:

Моя поэзия здесь больше не нужна.

Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен [2, с. 36].

Для Есенина его произведения являются единственно возможной связью с духовным прошлым народа. Переворот, братоубийственная война изменили людей, автор больше их не узнаёт, не чувствует с ними родства, как и они с ним, потому в этот период он возвращается к прошлому, к своей юности, продолжая, однако любить свою страну, пусть и ту, которую потерял. Так, к примеру, в «Персидских мотивах», в стихотворении «Шаганэ ты моя, Шаганэ» он пишет:

Потому, что я с севера, что ли,

Что луна там огромней в сто раз,

Как бы ни был красив Шираз,

Но не лучше рязанских раздолий.

Тема отчества опять связана с темой любви, развивается практически параллельно. Лирика московского периода и последних лет жизни поэта описывает в основном любовь несчастную, обречённую на разлуку. («Я помню, любимая, помню», «Письмо к женщине») Разгульная, скандальная жизнь вряд ли может совмещаться с искренней любовью; в ряде стихотворений Есенин пишет об отречении от разгульного образа жизни во имя любви. Примерами могут выступить «Заметался пожар голубой» и «Пускай ты выпита другим»:

В первый раз я запел про любовь,

В первый раз отрекаюсь скандалить.

Я сердцем никогда не лгу,

И потому на голос чванства

Бестрепетно сказать могу,

Что я прощаюсь с хулиганством.

Однако любовь к алкоголю оказывается сильнее любви к женщине, появляется мотив разлуки («Сукин сын», «Письмо к женщине»). И лирический герой, и его возлюбленная страдают от разлуки, но жизни их оказываются разьединенными «роком событий». И всё же в некоторых стихотворениях сквозит щемящая нежность, трогательная; в стихотворении «Собаке Качалова» поэт пишет (обращаясь к собаке):

Она придет, даю тебе поруку.

И без меня, в ее уставясь взгляд,

Ты за меня лизни ей нежно руку

За все, в чем был и не был виноват.

Последние стихотворения поэта трагичны, в них звучит мотив несчастной, безответной любви.

Если в ранних стихах Есенин описывает счастье как состояние души человека, видящего родной дом, любимую девушку и мать:

Вот оно, глупое счастье

С белыми окнами в сад!

По пруду лебедем красным

Плавает тихий закат [3, с. 27].

То со временем он приходит к более глубокому, философскому пониманию сути счастья и смысла человеческой жизни. В лирике появляются философские мотивы. Стихотворения последних лет отражают мысли Есенина о прожитой жизни (вероятно, поэт предчувствовал свой конец): он не жалеет о прошедших временах, принимает с философским спокойствием и мудростью тот факт, что «Все мы, все мы в этом мире тленны». Подлинными шедеврами Есенина являются стихотворения «Отговорила роща золотая» и «Не жалею, не зову, не плачу» Смысл их и основные идеи сходны:

Отговорила роща золотая

Берёзовым, веселым языком.

Увяданья золотом охваченный,

Я не буду больше молодым [4, с. 41].

Сходство проявляется даже в образах; поэт чувствует, что молодость безвозвратно прошла, пути в прошлое нет, и каждый человек когда-нибудь покинет этот мир, как когда-то в него пришёл. Это гармоничное, спокойное восприятие жизни Есенин передаёт через образы, к которым обращался на протяжении всего творческого пути – природы, причём символические: «роща» – это вся жизнь героя, его судьба; юность всегда ассоциируется с голубыми или сиреневым цветами («души сиреневая цвет»), старость – кисти рябины, а вся жизнь передается через образное сравнение:

Словно я весенней гулкой ранью

Проскакал на розовом коне.

И последнее, предсмертное стихотворение поэта тоже относится к философской лирике, оно как бы завершает, ставит точку в конце короткого, но бурного творческого пути:

В этой жизни умирать не ново,

Но и жить, конечно, не новой.

Таким образом, можно увидеть, что творческий путь и путь одиночества были неразрывно связаны в жизни Сергея Есенина. Он, обладая душой поэта, осознавал иронию того, что, будучи окружённым женщинами, друзьями и поклонниками, так и остался непонятым как народом, так и теми, кого он любил.

Список литературы

1. Волков А. Художественные искания Есенина / А. Волков. – М., 1976.
2. Воронова О.Е. Национальное и общечеловеческое в творчестве Сергея Есенина. Архетипы. Универсалии. Концепты: учебное пособие / О.Е. Воронова; Рязанский государственный университет С.А. Есенина. – Рязань, 2013.
3. Есенин С.А. Полное собрание сочинений; в 7 т./ Гл. ред. Ю.Л. Прокушев. – М.: Наука, 1998.
4. Прокушев Ю.Л. Поэт века // В мире Есенина. – М., 1986.
5. Розанов И.Н. Воспоминания о Сергее Есенине / И.Н. Розанов // Воспоминания о Сергее Есенине: сборник под общей редакцией Ю.Л. Прокушева. – М. : Московский рабочий, 1985.

Никитина Елизавета, 2 курс, «Английский язык и литература»

ИДЕИ СОЛОВЬЕВСТВА В ПОЭЗИИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Философско-эстетические идеи Владимира Соловьева оказали значительное влияние на русскую культуру начала XX века. Этот факт хорошо известен, хотя далеко не все стороны этого влияния прояснены.

Соловьевские идеи легли в основу идейно-эстетической платформы русского символизма, во многом определив его характер и содержание. При этом, конечно же, кроме прямого влияния соловьевство оказывало и опосредованное влияние.

Мощная волна русского символизма через литературную периодику начала XX века распространила многие идеи Вл. Соловьева, вводя их в круг господствующих поэтических образов и идей. Тем самым провоцируя их воспроизведение эпигонами, следующими за флагманами моды.

Исследователи художественных исканий поэтического процесса первых десятилетий XX века фиксируют глубинное проникновение центральных для метафизического учения Владимира Соловьева идей. Так, идеи «Вечной Жены» / «Женственности» / «Софии», теургии прочно входят в поэтику не только символистов, но и многих других поэтических направлений русской литературы.

В ряду восприимчивых идейной платформы символистов можно уверенно назвать Николая Клюева и Сергея Есенина. В созданных ими поэтических текстах исследователи находят как прямое использование идейно-эстетических образов символистов, так и своеобразный подтекст, отсылающий к нарративам поэтов-символистов того времени.

Один из крупнейших современных исследователей постсимволистской эпохи русской поэзии О.А. Клинг считает, что «всёпоэтическое поколение, пришедшее в искусство в 10-е годы, оставалось в поле магнетического влияния, принципиального обновления, осуществленного в литературе символистами» [4, с. 16]. На значительном материале О.А. Клинг показывает использование С.А. Есениным поэтики Александра Блока и других символистов. Это особенно характерно в начальный период творчества Есенина, когда молодой поэт особенно был восприимчив к модным столичным веяниям в русской поэзии.

Конечно, в той или иной степени идеями учения Владимира Соловьева была пронизана вся эпоха Серебряного века. Софиология находилась в центре внимания не только крупнейших философов начала XX века, но и крупнейших поэтов. К числу последних относится Александр Блок, для раннего Есенина бывший мощным ориентиром и безусловным литературным авторитетом.

При этом, безусловно, Есенин как самобытный талант не бездумно использовал образы поэтики символизма. Они глубинно перерабатывались и творчески переосмысливались, трансформируясь в чисто есенинские идеи,

свойственные его мифопоэтике не только на раннем этапе, но и в зрелом творчестве.

Н.В. Дзуева и С.А. Серегина обращают внимание на рецепцию Есениным эстетического опыта символистов: «...Есенин активно обращается к поэтическому опыту символистов в начале творческого пути, однако достаточно быстро приходит к выработке собственного художественного языка. При внимательном чтении дореволюционных есенинских сборников очевидно, что идея Вечной Женственности, без какого-либо внутреннего задания, не будучи отрефлексированной в сознании поэта, тем не менее, проникает в есенинский мир, становится его имплицитной константной величиной, получив, однако, новое, неповторимое звучание в процессе перекодировки соловьевско-символистского мифа» [2, с. 229].

При этом идея Вечной Женственности или Софии использовалась поэтами Серебряного века как своеобразный универсальный мифологический код.

Этот мифологический код можно легко определить в ранних стихотворениях Сергея Есенина. Не только самых ранних пробах, которые Есенин при жизни не перепечатывал и не публиковал, но и в тех, которые им публиковались неоднократно и считаются есениноведами и любителями творчества поэта шедеврами и образцами поэтического стиля Есенина.

Так, образ Вечной Женственности читается в стихотворении Есенина 1916 года «Не бродить, не мять в кустах багряных...». Возвышенно-одухотворённый женский образ передан едва прорисованными штрихами. При этом женский образ здесь – не только отвлеченный тип лирической героини, но прежде всего наполненный определенной семантикой теургический код:

Пусть порой мне шепчет синий вечер,
Что была ты песня и мечта,
Всё ж, кто выдумал твой гибкий стан и плечи –
К светлой тайне приложил уста [3, с. 108].

Строка: «Всё ж, кто выдумал твой гибкий стан и плечи...» явно указывает на внеземную, нематериальную природу женского образа стихотворения.

Также образ недостижимой Женственности можно найти в стихотворении «Подражание песне» (1910):

Ты поила коня из горстей в поводу,
Отражаясь, березы ломались в пруду.
Я смотрел из окошка на синий платок,
Кудри черные змейно трепал ветерок [3, с. 72].

В приведённом фрагменте обращает внимание отдаленность лирического героя от объекта своей страсти. Он созерцает, видит, но достичь даже не пытается. Гладь воды, «ломающая ветви березы», как бы отделяет лирического героя от таинственной чернокозой девушки. Стихия воды, меняющаяся, противоположная тверди земной, будто бы подчеркивает недостижимость героини. Синий платок здесь – также одна из примет небесной сущности недостижимой героини. Отметим, что в будущем синий цвет станет одним из любимейших в художественной палитре Есенина.

Лирический герой испытывает страстное притяжение к героине, но необъяснимая гибель её навсегда разъединяет их. При этом лирический герой пронзен тоской неизбежного влечения к тайной сущности своей возлюбленной. Соединение неземного и земного, слияние мистической и материальной сущности образов вполне укладываются в концепцию теургии, разработанной символистами. Столкновение мира реального и нереального, их синтез и взаимопроникновение приводят к иной реальности, реальности сотворенной, ведущей к мифу. Поэтика «Подражания песни» максимально сближена с образами цикла А. Блока «Стихи о Прекрасной даме».

Отметим также такой факт: литературоведы не смогли найти фольклорных источников «Подражания песни». Возможно, что здесь источниками могли послужить стихотворения поэтов-символистов, а не народные песни. Через них опосредованно Есенин и воспринял идею теургии.

Мать, порождающая волшебное (сверхъестественное) дитя прямо в лесу – образ архаичный, явно связанный с мифами. Образ Матери-Софии, дающей жизнь певцу-поэту, вышедшему из народа – так можно интерпретировать стихотворение Есенина «Матушка в Купальницу по лесу ходила...» (1912). Само стихотворение представляет собой концентрированное воплощение идеи теургии.

Сочетание соловьевского наполнения образа Софии с народным толкованием Божьей Матери ещё более подчеркивает мифологический подтекст образа.

Отметим, что здесь «матушка» рождает в лесу дитя (лирического героя стихотворения), который обладает своеобразной властью над собственной судьбой:

Родился я с песнями в травном одеяле.
Зори меня вешние в радугу свивали.

Вырос я до зрелости, внук купальской ночи,
Сутемьколдовная счастье мне пророчит [3, с. 74].

Стихотворение «Матушка в Купальницу по лесу ходила...» корреспондирует с идеей символистов о теургической сущности творчества, высшая цель которого – создание мифа, иной жизни, иной судьбы.

Приведенные примеры прежде всего характерны для раннего творчества Есенина. Очевидно, современники указывали Есенину на созвучие его поэтики с основополагающими идеями символистов. Однако, надо полагать, это не нравилось вышедшему из крестьянства поэту, он мог воспринять это как преуменьшение его авторской самобытности. В связи с этим заявление Есенина в эссе «Ключи Марии» (1918) о неприятии идей символизма (в частности, идеи Вечной Женственности, якобы чуждой русскому народу) свидетельствует о понимании им сущности поэтики Вл. Соловьева и восприимчивости его идей в русской литературе. Это понимание и помогает ему избежать в зрелом творчестве прямого эпигонства и выработать собственные образы, тем не менее имеющие прямую связь с представлениями символистов о теургии и Софии.

Литературный опыт в зрелый период позволяет Есенину переосмыслить мифологический код Вечной Женственности, сделав его неповторимо есенинским: «...все женские образы есенинской лирики (...) при всей их приобщённости к «земной персти» светят тайной»; «неповторимую и тленную красоту поэт пытается продлить хотя бы метафорически в бытии природы. Отсюда слияние женского облика с пейзажем» [5, с. 184]

Здесь, нам кажется, один из ключевых моментов трансформации образа Вечной Женственности в лирике Сергея Есенина. В зрелый период творчества одним из ключевых образов в лирике поэта становится образ России – прекрасной и волнующей, всегда близкой и недостижимой, образ высшей святости в системе ценностей поэтики Есенина.

Ещё А.А. Волков отмечал, что в творчестве Есенина образ России сочетает в себе женские черты, явно отсылающие к знаменитому высказыванию А.А. Блока: «О, Русь моя! Жена моя!» [1, с. 82]. Россия-возлюбленная в стихотворениях Есенина становится одним из кодов лирики поэта.

Вслед за Н.В. Дзуевой и С.А. Серегиной мы признаем, что образ России в мифопоэтике Сергея Есенина мог быть сформирован путем переосмысления образа Вечной Женственности Вл. Соловьева, почерпнутого из поэзии символистов и постсимволистов. При этом сам образ впитывает черты родной природы и образ возлюбленной женщины: «...образ возлюбленной у Есенина чаще всего эксплицирует национальный облик родной страны, но, на наш взгляд, важнее обратить внимание на обратную связь: родина, Россия в качестве антропологической субстанции включается Есениным в лирическую фабулу своей поэзии, занимая в ней место любимой женщины. Таким образом лирический герой переживает «роман с Россией», что практически определяет все его жизненные коллизии вплоть до трагического конца» [2, с. 245].

Таким образом, мы видим, что в творчестве Есенина воспринятые опосредованно через поэзию символистов идеи Владимира Соловьева трансформируются в характерные для есенинской мифопоэтики образы. Одним из таких образов можно считать образ возлюбленной-России, явно несущий на себе черты Вечной Женственности и Софии. При этом в мифопоэтике Есенина Россия имеет как реальные черты, так и желанные, возвышенно-идеализированные. Поэт отталкивается от реальной России и в своих стихотворениях моделирует, создаёт Россию-идеал, тем самым реализуя представления соловьевства о теургической природе творчества.

Список литературы

1. Волков А. Художественные искания Есенина. – М., 1976.
2. Дзуева Н.В., Серегина С.А. Поэтическая рецепция соловьевства в художественном мире С. Есенина: софийные аспекты мифопоэтики // Соловьевские исследования. – 2004. – №2 (9). – С. 225–253.
3. Есенин С.А. Собрание сочинений в шести томах. Т. 1. Стихотворения. – М. : Художественная литература, 1977.
4. Клинг О.А. Поэтическое самоопределение Есенина и символизм // Филологические науки. – 1985. – № 6.

5. Михайлов А. О поэтическом образе Есенина // Сергей Есенин. Проблемы творчества. – М., 1978. – С. 183–184.

6. Соловьев В. С. Сочинения в 2-х тт. М., 1990.

Кручевская Алина, 3 курс, «Русский язык и литература», «Осень»

*Шикина Е.С.
г. Луганск*

ТЕМА РОДИНЫ В ПОЭЗИИ С.А. ЕСЕНИНА: «ЛЮБОВЬ К РОДНОМУ КРАЮ МЕНЯ ТОМИЛА, МУЧИЛА И ЖГЛА»

Сергей Александрович Есенин – великий русский поэт, которого знают и любят все. Я могу с уверенностью сказать, что нет такого человека, который бы не слышал о Сергее Есенине и не сталкивался с его стихотворениями. Ведь, это всемирно известный поэт, которого подарил нам Серебряный век и жизнь которого оборвалась на взлёте. Им гордится не только Россия. Самой главной темой его творчества стала тема любви к родному краю и своей стране. Кажется, что всё богатство природы, разнообразие красок и запахов, которыми наполнена земля, – всё это собрано в поэзии великого поэта.

Сергей Александрович Есенин родился 21 сентября 1895 года в Рязанской губернии, Рязанского уезда, Кузьминской волости, в селе Константиново. Семья Есениных жила достаточно бедно. Отец, Александр Никитич с самого детства пел в церковном хоре. А в более зрелом возрасте работал в московской мясной лавке, поэтому дома бывал редко. Это послужило поводом для раздора в семье. Мать, Татьяна Фёдоровна, уехала работать в Рязань. Поэтому Серёжа с раннего возраста жил с бабушкой и дедушкой по материнской линии. Дед, Федор Андреевич Титов, был обеспеченным старообрядцем. Он очень хорошо разбирался в священном писании и помнил наизусть многие библейские тексты, например, жития святых, псалмы, а также духовные стихотворения. Внука дед любил. «Дедушка пел мне песни старые, такие тягучие, заунывные. По субботам и воскресеньям он рассказывал мне Библию и священную историю», – с теплотой вспоминал С. Есенин.

Изба крестьянская.

Хомутный запах дегтя,

Божница старая,

Лампады короткий свет.

Бабушка, Наталья Евтихиевна, обладала прочными и глубокими знаниями в области русского фольклора: знала много пословиц, сказок, песен и частушек. Она с большим вдохновением и удовольствием рассказывала маленькому Серёже сказки и пела песни. «Стихи начал слагать рано, – писал о себе Есенин. – Толчки давала бабка. Она рассказывала сказки. Некоторые сказки с плохим концом мне не нравились, и я их переделывал на свой лад».

Тогда впервые

С рифмой я схлестнулся.

От сонма чувств

Вскружилась голова.

И я сказал:

Коль этот зуд проснулся,

Всю душу выплещу в слова.

Также воспитанием племянника занимались дяди. С трёх лет они учили Серёжу плавать и ездить верхом на лошади.

Будущий поэт был озорным ребёнком, дружил с мальчишками, вместе они совершали набеги на сады и огороды, лазали по деревьям, ходили в ночное. Именно здесь, на Рязанской земле, мальчик впервые увидел серебристую луну и костёр зари, холмистый берег Оки и огромные луга, усеянные множеством цветов, избы с соломенными крышами и церковь в центре села, и конечно же многолетние берёзы. Это были самые приятные и тёплые воспоминания детства, навсегда оставшиеся в его памяти и оказавшие большое влияние на всё его дальнейшее творчество:

Край любимый! Сердцу снятся

Скирды солнца в водах лонных.

Я хотел бы затеряться

В зеленях твоих стозвонных.

Есенин всегда любил возвращаться на свою малую Родину. Там он отдыхал душой и сердцем, освобождаясь от накопленных переживаний и проблем, набираясь сил и вдохновения:

Я снова здесь, в семье родной,
Мой край, задумчивый и нежный!
Кудрявый сумрак за горой
Рукою машет белоснежной.

Свой самый первый поэтический сборник «Радуница» Сергей Есенин издал в 1916 году. В сборнике собраны самые наилучшие впечатления и воспоминания детских, юношеских и отроческих лет. В сборнике он показывает нам Русь смиренную, благостную. Его привлекают темы и образы, связанные с религиозностью, христианскими мотивами и бытом:

Я вижу – в просиничном платё,
На легкокрылых облаках,
Идёт возлюбленная Мати
С Пречистым Сыном на руках.

Перед нами встают картины деревенского быта, крестьянской жизни. Он показывает нам жизнь крестьян такой, какой она была, без надуманных сюжетов. Критики откликались на «Радуницу», подчёркивая, что «для Есенина нет ничего дороже Родины», «он находит ласковые слова для неё и открывает ей всю свою душу и сердце», также они отмечали естественность и простоту его лирики, которая была написана лёгким языком, понятным людям.

Родина для поэта, со всеми её недостатками, отождествляется с очень светлым и чистым храмом, который способен исцелить душу любого человека и наделить её умиротворением.

Природа родины у Сергея Александровича – это душевный рай, мир и спокойствие. Любое время года, естественное состояние природы описывается поэтом с особым трепетом. Пейзажи природы Есенина содержат в себе разнообразные звуки и цвета, позволяющие нам «увидеть» картины, созданные поэтом.

Вся поэзия Есенина проникнута особым поэтическим чувством и видением мира, чувством близкого родства с природой. Тема Родины у Есенина тесно сливается с темой природы, что особенно заметно в стихотворениях 1910–1915 гг. Лирика содержит в себе тревогу и мысли о скоротечности жизни, а также предчувствие её трагического конца. Размышления о своей судьбе переходят в размышления о судьбе своей Родины, но несмотря на печальные размышления, Сергей Есенин, однако, на протяжении всей своей жизни живёт с трепетным чувством к Родине, которое заставляет его сердце громко биться: «Россия – какое хорошее слово. И роса, и сила, и синее что-то».

Октябрьскую революцию С. Есенин принял восторженно. Он ждал от неё перемен в лучшую сторону для жизни крестьян и в душе радовался разрушению старого мира. Поэт верил, что наконец-то пришло время для мужицкого счастья, что революция способна преобразить всю природу и даже планету.

В поэтической жизни Есенина революция стала важным этапом. Он проникся величием происходящих событий, но в то же время осознал неизбежность ухода крестьянской "ситцевой" России и испытывал страх перед наступлением «стальной кавалерии», ведь мировоззрение поэта сложилось в Руси крестьянской. Новое время, изменив старый жизненный уклад, не оправдало надежд поэта. Он погрузился в смертельную тоску по разрушенной деревне, так как сам ощущал себя частью этого «старого» мира. Душевные переживания Сергея Есенина вылились в следующие строки:

Я последний поэт деревни,
Скромнен в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадящих листвою берёз.

Переживания по поводу того, что советская Русь не будет понимать его, не будет воспринимать смысл его стихотворений отразились в не менее известном стихотворении – «Русь советская». Сергей Александрович писал:

Ах, родина! Какой я стал смешной.
На щеки впалые летит сухой румянец.
Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец.

Также Есенин говорит о том, что без какого-либо восторга новую власть воспринимает не только он, но и люди старшего поколения, что они тоже не понимают новых законов и им сложно принять это, принять такую жизнь. Эти мысли отражены в следующих строках:

Я уходящих в грусти не виню,
Ну, где же старикам
За юношами гнаться?
Они несжатой рожью на корню
Остались догнывать и осыпаться.

В стихотворениях и поэмах последних лет наблюдается творческий подъём С.А. Есенина, его поэзия вышла на новый путь советской литературы, а его талант открыл новые неисчерпаемые возможности.

Однако, состояние постоянной депрессии оставило глубокий отпечаток в психологии и сознании поэта. Ложные идеи неоднократно заставляли лирику С. Есенина издавать поддельные отзвуки, хриплые интонации, которые были чужды самой природе его народного таланта.

Близость русского поэта к лучшим традициям русской поэзии, к жизни простого русского человека, его мышлению, мыслям и стремлениям, а также глубокому патриотизму позволили Есенину преодолеть это влияние и написать свою уникальную страницу в поэтической истории русского общества.

С.А. Есенин воспевал и очень любил свою Родину, свою страну и свою Россию. Он желал ей только процветания, но в Советской России поэт считал себя чужим и ненужным. Вскоре его жизнь трагически, совсем неожиданно, оборвалась. Его стихотворения учат нас не только искренне любить Россию, но и раскрывают перед нами «страну берёзового ситца» во всей ее простой и

многогранной красоте. Сергей Есенин признавался: «Чувство Родины – основное в моем творчестве».

Список литературы

1. Есенина А.А. Родное и близкое. -- М.: Советская Россия, 1968. -- 88 с
2. Лекманов О., Свердлов М. Сергей Есенин: Биография. – М.: Астрель, Сogrus, 2011. – 608 с.
3. Есенин Сергей Александрович. Избранное. – Смоленск : Русич, 2000. – 640 с. – («Библиотека поэзии).
4. Городецкий С.М. Сергей Есенин. Журнал «Искусство трудящимся». – 1926. – № 1. – С. 3.
5. Горький А.М. Сергей Есенин. – С.А. Есенин в воспоминаниях современников. В 2-х т., М., 1986, с. 59.
6. Прокушев Ю.Л. Колыбель поэзии [Текст] / Ю.Л. Прокушев. – М. : Детская литература, 1982. – 176 с.
7. Есенин, С. [Текст] – Собрание сочинений в трёх томах /С. Есенин. – М. : Правда, 1977.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белоусова Евгения Владимировна – старший преподаватель кафедры русской и мировой литературы ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

Гарганова Алена Игоревна – студентка IV курса, специальность «Русский и английский язык и литература», ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет». Научный руководитель ст. преп. Белоусова Е.В.

Захлебная Марина Александровна – студентка II курса, специальность «Русский язык и литература», ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет». Научный руководитель доц. Ильин С.А.

Ильин Сергей Александрович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и мировой литературы ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

Конькова Марина Юрьевна – студентка II курса, специальность «Русский язык и литература», ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет». Научный руководитель доц. Ильин С.А.

Котомцев Дмитрий Олегович – студент III курса спец. «Русский язык и литература» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет». Научный руководитель доц. Ильин С.А.

Мущинский Александр Владимирович – студент II курса магистратуры, специальность: «русский язык и литература» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет». Научный руководитель доц. Ильин С.А.

Огородняя Ольга В. – студентка I курса филологического факультета, специальности «русский язык и литература», ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет». Научный руководитель старший преподаватель Зайцева Е.В.

Осина Наталья Олеговна – студентка 4 курса спец. «Русский язык и литература» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет». Научный руководитель доц. Ильин С.А.

Прачковская Елена И. – студентка I курса филологического факультета, специальности «русский язык и литература», ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет». Научный руководитель старший преподаватель Зайцева Е.В.

Семич А.В. – студентка I курса филологического факультета специальности «Русский язык и литература» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет». Научный руководитель старший преподаватель Зайцева Е.В.

Хатнюк Анатолий Витальевич – студент II курса магистратуры, специальность «Русский язык и литература», ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» Научный руководитель доц. Аулов А.М.

Чернов Андрей Алексеевич – Секретарь правления Союза писателей ЛНР

Шикина Елизавета С. – студентка I курса филологического факультета специальности «Русский язык и литература» ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет». Научный руководитель ст. преп. Зайцева Е.В.

Коллектив авторов

ЕСЕНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2020

**Материалы
Университетской
научно-практической конференции**

(Луганск, 6 марта 2020 г.)

Редакционная коллегия оставляет за собой право технического и стилистического редактирования статей. Авторы статей несут полную ответственность за содержание статьи.

Под общей редакцией – С.А. Ильина
Корректор – А.Б. Молодцов
Компьютерная верстка – А.Б. Молодцов

Подписано в печать _____. Бумага офсетная.
Гарнитура TimesNewRoman.
Печать ризографическая. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. _____. Тираж 50. Заказ № _____.

Издатель

ГОУ ВО ЛНР

«Луганский государственный педагогический университет»

«Книга»

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, ЛНР, 91011. Т/ф: (0642)58–03–20
e-mail: knitaizd@mail.ru